
ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА

Бедность в России на фоне других стран

В.А. АНИКИН*, Н.Е. ТИХОНОВА**

*Аникин Василий Александрович – доцент, факультет экономики, НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: vasilyu.anikin@gmail.com

**Тихонова Наталья Евгеньевна – профессор-исследователь, факультет экономики, НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: ntihonova@hse.ru

В статье сравнивается ситуация с бедностью в России, в других странах БРИК¹ и развитых странах, представляющих разные модели социально-экономического развития (Германия и Великобритания). Показано, что специфика ситуации с бедностью в той или иной стране может быть корректно проинтерпретирована только с учетом того этапа исторического развития, на котором она находится. Выделены и описаны основные типы структурной бедности, свойственные разным историческим эпохам и экономическим укладам (преиндустриальная, индустриальная, постиндустриальная бедность), а также ситуации, связанные с ними, в рассматриваемых странах. Дана краткая характеристика причин бедности, вызванных не только структурными факторами, но также семейными и личными обстоятельствами человека. Показано, что специфика российской бедности на фоне остальных стран заключается в исключительной гетерогенности бедности в России и в своеобразии комбинации в ней различных типов и форм бедности при ведущей роли бедности индустриального типа и очень большой роли семейных и личных обстоятельств человека.

Ключевые слова: бедность, депривация, лишения, модернизация, урбанизация, индустриализация, социальная структура, профессиональная структура

Как неоднократно было продемонстрировано в последние годы в литературе [Горшков, Тихонова 2014; Карабчук, Пашинова, Соболева 2013; Овчарова 2009; Слободенюк 2013; Тихонова 2013], бедность в России имеет свой четко выражен-

¹ Для сравнения используются только Бразилия, Индия и Китай, поэтому в статье речь идет о странах БРИК, а не БРИКС. Южно-Африканская Республика была исключена из рассмотрения, поскольку там на ситуацию с бедностью сильно влияют также гораздо менее значимые в России, Китае, Индии и Бразилии расовые неравенства, что затрудняет сравнение.

ный портрет, причем он во многом зависит от того, как именно будет измеряться бедность и что под ней понимается. Однако в любом случае для того, чтобы ответить на вопрос о специфичности этого портрета, особенно учитывая чуткость бедности к методам ее измерения и концептуализации, необходимо рассмотреть российскую бедность на фоне ситуации с бедностью в других странах. Лишь такое сравнение позволит не только понять, в чем «бедность по-российски» является уникальной, но и оценить ее перспективы в российском обществе.

Выберем для сравнения страны, которые либо находятся на близком этапе, либо далеко оторвались от России в плане экономического развития и могут рассматриваться как своего рода проекция в будущее, при этом представляя разные модели экономического развития. Заданным критериям удовлетворяют, с одной стороны, страны, входящие в состав БРИК, а с другой, такие развитые европейские страны, как Великобритания (англо-саксонская экономическая традиция) и Германия («рейнский» капитализм). Соответственно, в нашем сравнении будут участвовать Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Китай и Россия.

Вначале вкратце рассмотрим особенности их развития, позволяющие лучше понять, в сколь различной институциональной среде в них существует такой феномен, как бедность, и насколько разный смысл она в них, соответственно, имеет. И первое, что сразу обращает на себя внимание в этой связи, – это то, что ключевые показатели, используемые в статистике для оценки ситуации с уровнем жизни населения вообще и бедностью в частности, оказываются крайне малоинформативными для отображения качественных различий бедности в рассматриваемых странах. Например, показатель национального дохода, приходящийся на два нижних дециля в Индии и Германии, практически совпадает (*таблица 1*), хотя для всякого знакомого с ситуацией с бедностью в этих странах ясно, что ни о какой схожести в этом вопросе говорить не приходится. Аналогичная картина наблюдается в России и Великобритании и т.д. При этом *Россия практически по всем ключевым показателям социально-экономического развития, формирующим рамочные условия существования бедности как особого феномена общественной жизни, занимает промежуточное положение между Великобританией и Германией, с одной стороны, и остальными странами БРИК, с другой, при несколько большей близости ее к развитым, нежели к развивающимся странам.*

Особенно наглядной эта близость России при всех ее отличиях, скорее, к странам Запада, чем к странам БРИК, становится при анализе соотношения городского и сельского населения вообще и доли городской занятости в общей структуре занятости в особенности. Так, например, доля городского населения в России (74,0%) очень близка к ситуации в Германии (74,1%) и Великобритании (84,9%). При этом она намного больше, чем в Китае (52,6%) или Индии (31,6%). Естественно в этих условиях и уровень занятости в аграрном секторе экономики в развитых странах очень низок и составляет 1,2% в Великобритании и 1,6% в Германии. При этом в Китае он достигает 36,7%, а в Индии – даже 51,1%². В России он в разы ниже, хотя в силу неэффективности российского аграрного сектора занятость в сельском хозяйстве все же очень высока – 9,7%.

² К ситуации в Бразилии в этой области мы еще вернемся ниже, пока лишь отметим, что она более чем специфична – за последние 30 лет доля городского населения в ней в результате предпринятых правительством страны мер по реформированию сельского хозяйства выросла в относительном выражении почти на треть, при этом доли занятых в сельском хозяйстве и проживающих в сельской местности сравнялись – ситуация, которой нет ни в одной другой стране.

Таблица 1. Основные статистические показатели, связанные с бедностью, для стран БРИК, Великобритании и Германии

Доля населения, находящегося ниже национальной линии бедности, % от всего населения						Коэффициент Джини				
	1981	1990	2001	2005	2009	1980	1990	2001	2005	2011
Великобритания	–	–	–	–	–	25,2	33,5	35	34,6	33
Германия	–	–	–	–	–	–	30,8	30,1	26,1	29,0
Бразилия	–	–	–	30,8	21,4	56	60,5	61,2	57,4	51,2
Россия	–	–	27,5	17,7	13,0	26,4*	25,9	42,2	37,5	41,7
Индия	–	–	–	37,2	29,8	31,4	29,6	–	36,8	–
Китай	–	–	4,6*	2,8	–	29,5	34,0	44,8	42,3	47,4
Доля национального дохода, принадлежащая низшим 10% населения (нижнему децилю), %						Доля национального дохода, принадлежащая низшим 20% населения (двум нижним децилям), %				
	1980	1990	2001	2005	2009	1980	1990	2000	2005	2009
Великобритания	–	–	2,1*	–	–	–	–	6,1*	–	–
Германия	–	–	4,0	–	–	–	–	8,5*	–	–
Бразилия	0,9	0,7	0,5	0,7	0,8	2,7	2,2	2,1	2,8	2,9
Россия	–	4,2*	2,5	2,7	2,8	–	10*	6,1	6,5	6,5
Индия	–	3,9*	–	3,8	–	–	8,8*	–	8,6	–
Китай	3,7	3,5	2,3*	1,8	–	8,7	8,0	5,5*	5,0	–
ВВП на душу населения по ППС, долл. ^{a)}						Занятость в аграрном секторе экономики, %				
	1980	1990	2000	2005	2011	1980	1990	2000	2005	2010
Великобритания	8267	16289	26039	32958	35598	2,6	2,1	1,4	1,3	1,2
Германия	9853	18504	25757	31115	39456	–	4,2*	2,6	2,4	1,6
Бразилия	3613	5183	7017	8509	11640	29,3*	22,8	20,6*	20,5	17,0*
Россия	–	8014	6833	11853	21921	–	13,9	14,5	10,2	9,7*
Индия	419,9	873,8	1528	2209	3650	–	60,5	59,9	55,8	51,1
Китай	250,2	794,9	2366	4115	8400	68,7	60,1	50,0	44,8	36,7
Доля городского населения, %						Естественный прирост населения, % ^{б)}				
	1980	1990	2000	2005	2012	1980	1990	2000	2005	2010
Великобритания	78,5	78,1	78,7	79	79,7	1,7	2,7	1,2	2,3	3,1
Германия	72,8	73,1	73,1	73,4	74,1	–1,9	–1,4	–1,1	–1,5	–2,8
Бразилия	65,5	73,9	81,2	82,8	84,9	23,5	18,9	15,8	13,5	11,8
Россия	69,8	73,4	73,4	72,9	74	4,9	2,2	–6,5	–5,9	–1,8
Индия	23,1	25,5	27,7	29,2	31,6	22,9	19,1	16,1	14,5	12,9
Китай	20,6*	26,2	36,1	42,9	52,6	14,9	12,1	6,5	5,4	6,3

	Уровень неформальной занятости ^{b)}					Коэффициент социальной нагрузки ^{d)}				
	1985–1989	1990–1994	1995–1999	2000–2007	2009–2010	1980	1990	2000	2005	2011
Великобритания	–	–	–	12,3	9,6	56,1	53,2	53,4	51,3	51,9
Германия	–	–	–	1,8	1,6	51,7	44,7	47	49,9	51,4
Бразилия	–	60	60	51,1	42,2	72,4	65,6	54	51	47,4
Россия	–	–	–	8,6	8,9	46,8	49,6	44,1	40,5	38,9
Индия	76,2	73,7	83,4	83,5	83,6	75,9	71,7	63,8	59,1	54,3
Китай	–	–	18	32	32,6	68,5	51,4	48,1	41,7	37,8

Источник: [BRICS 2013; Eurostat 2012; United Nations 2012, 2013; UNU-WIDER 2008; World Development Indicators (1) 2013; World Development Indicators (2) 2013; World Development Indicators 2014].

Примечания:

^{a)} ВВП на душу населения, рассчитанный Всемирным банком по паритету покупательной способности, представлен в «международных долларах» на соответствующий период.

^{b)} Уровень неформальной занятости в отраслях, не относящихся к сельскому хозяйству. Характер неформальной занятости в рассматриваемых странах разный [Charmes 2012]. Например, в Китае неформальная занятость сопровождается отсутствием трудовых контрактов и социального страхования, приходясь преимущественно на городское население. Данные по Китаю до 2005 г. относятся к городским занятым, являющимся резидентами (среди мигрантов в городах эта цифра достигала 84% в 2005 г.). Поскольку подавляющая часть из них работает в отраслях, не относящихся к сельскому хозяйству, то «завор» в оценках оказывается не очень большим [Cai, Du, Wang 2009]. Данные по Индии (2009/2010 г.), Бразилии (2009 г.), России и Китаю (за 2010 г.) см. [ILO 2012]. За другие годы см. [Jutting, Laiglesia 2009]. Стоит отметить, что органы официальной российской статистики не собирают данные по доле неформально занятых. Обычно демонстрируются данные по занятым в неформальном секторе, которые в 2010 г. составили в России 12,1% [Капелюшников 2012]. Уровень неформальной занятости по Германии и Англии представлен по всем отраслям. Данные ESS 2004–2009 [Hazans 2011].

^{c)} Коэффициент естественного прироста на 1000 жителей. Эффект миграции исключен. См. подробно: [World Population Prospects: The 2012 Revision // <http://esa.un.org/wpp/Excel-Data/population.htm>]. Последнее обновление 3 июля 2014 г.

Коэффициент социальной нагрузки отражает отношение доли населения экономически неактивных возрастов (моложе 15 и старше 64 лет) к доле рабочей силы (в возрасте от 15 до 64 лет). Например, в 2011 г. коэффициент социальной нагрузки в Китае составил 37,8%, то есть на 100 чел. работоспособного возраста приходилось около 38 чел. (как пожилых людей, так и детей), которым необходима была социальная поддержка.

* Коррекция по годам. Для Великобритании доля национального дохода, принадлежащая нижним 10% населения, а также доля национального дохода, принадлежащая нижним 20% населения, указана за 1999 г. Для Германии доля национального дохода, принадлежащая нижним 10% населения, указана за 2000 г.; уровень занятости в аграрном секторе указан за 1991 г.; коэффициент Джини – за 1992 г. Для Бразилии уровень занятости в аграрном секторе указан за 1981, 2001 и 2009 гг. Для России коэффициент Джини, доля национального дохода, принадлежащая нижним 10% и 20% населения, указаны за 1988 г.; уровень занятости в аграрном секторе – за 2009 г. Для Индии уровень занятости в аграрном секторе указан за 1994 г., коэффициент Джини – за 1983 и 2004 гг. Для Китая доля городского населения указана на основе переписи населения 1982 г.; доля населения, находящегося ниже национальной линии бедности, указана за 1998 г.; доля национального дохода, принадлежащая нижним 10% и 20% населения, указана за 2002 г.

Гораздо ближе к развитым странам (разрыв в 1,6–1,8 раз), чем к странам БРИК (разрыв в 1,9–6 раз), Россия и по показателям ВВП, приходящегося на душу населения, а также по данным неформальной занятости (разрыв в этом отношении

с Германией составляет 7,3%, а в Великобритании показатели неформальной занятости даже выше, чем в России (9,6%). В то же время в Китае доля неформальной занятости доходит до 32,6%, в Бразилии – до 42,2%, а в Индии – до 83,6%).

Эти данные говорят о том, что, *анализируя бедность, в этих странах мы имеем дело с разной бедностью, существующей в различающейся институциональной среде.* Это принципиально важно подчеркнуть, т.к. для стран, находящихся на различных этапах исторического развития, используются разные варианты как концептуализации феномена бедности, так и методик выделения бедных. Применительно к развитым странам речь обычно идет об относительной бедности, т.е. в качестве бедных в них рассматриваются те, кто находится в неблагоприятном положении по обеспеченности их ресурсами, распространенности среди них лишений и располагаемым возможностям относительно большинства членов данного общества. Соответственно, для выделения бедных используется обычно сравнение их доходов с медианой доходного распределения или распространенностью среди них лишений, нехарактерных для основной массы членов данного общества. В развивающихся же странах бедность обычно трактуется через призму так называемой абсолютной бедности, и бедными считаются те, чей доход ниже прожиточного минимума («черты бедности»), который должен обеспечить элементарное выживание человека³. При расчете этой национальной черты бедности правительством каждой развивающейся страны также учитываются характерные для нее климатические условия, культурные традиции, толерантность населения к глубокому социальному неравенству и т.д. В этой связи нельзя не отметить, что единственная позиция, по которой в *таблице 1* наша страна оказывается ближе к развивающимся, чем к развитым странам – это глубина социального неравенства. И в этом плане весьма показательным, что, *несмотря на близость России по базовым показателям социально-экономического развития скорее к развитым, чем к развивающимся странам, в нашей стране бедность интерпретируется так же, как в заметно отстающих от нее развивающихся странах, т.е. через категории абсолютной бедности.* Соответственно, для выделения бедных используется понятие экспертно рассчитываемого прожиточного минимума, призванного обеспечить простое физическое выживание здорового человека без учета его культурных, рекреационных и т.п. потребностей, хотя это означает занижение доли бедного населения в разы [Горшков, Тихонова, 2014; Тихонова, Слободенюк, 2014].

Если же говорить о более частных, но также очень значимых выводах из данных *таблицы 1*, то из нее становится понятно, что, если в Великобритании, Германии и России процесс урбанизации завершился, хотя и с разными результатами, то в Бразилии, Индии и Китае он и до сих пор активно идет, находясь на разных фазах своей эволюции. Так, Китай сейчас переживает этап урбанизации, в рамках которого происходит бурное развитие малых городов, аккумулирующих потоки мигрантов из деревень в условиях ограниченных возможностей миграции в крупные города, где жестко действует институт ограничения прописки [Bai 2008]. В отличие от Китая, в Бразилии практически неконтролирувшийся процесс урбанизации уже подходит

³ В этой связи стоит отметить, что часто упоминаемый как показатель черты глубокой бедности 1 доллар США по ППС в день на человека и 2 доллара США по ППС как показатель бедности были разработаны около 30 лет назад для стран тропического пояса и даже с корректировкой их по паритету покупательной способности доллара середины 1980-х гг. (когда разрабатывалась эта методика) и современного российского рубля никак не могут быть использованы для российских условий без дополнительной адаптации.

к «точке своего насыщения» (темпы прироста городского населения за последние 30 лет снизились почти в 3 раза), но за минувшие десятилетия он буквально «обрушил» на пригороды крупных мегаполисов лавины сельского населения. В итоге доля горожан оказалась там сегодня выше, чем в Германии и Великобритании. Эта масса переселившихся в города людей плохо адаптируется в новой для себя среде и массово либо уходит во вторичный сектор городской занятости, либо пополняет ряды безработных [Klein, Luna 2006]. Что касается Индии, то это в основном еще сельская страна.

Картина особенностей тех демографических процессов, которые, как и уровень социально-экономического развития, прямо влияют на бедность, также различается по анализируемым странам достаточно сильно, причем Россия и в этом отношении гораздо ближе к странам Запада, чем к странам БРИК. Так, Россия, Германия и Великобритания – страны с отрицательным естественным приростом населения, который компенсируется потоком низкоквалифицированных мигрантов из-за рубежа. В то же время в Китае, даже несмотря на жесткую демографическую политику, численность населения продолжала расти все последние десятилетия, а в Индии и Бразилии рождаемость в значительной степени и сейчас еще носит неконтролируемый характер.

Таков тот экономический и социально-демографический фон, на котором должна рассматриваться ситуация с бедностью в этих странах. И один только этот фон заставляет усомниться, может ли в них одинаково пониматься сам феномен бедности и можно ли для осознания сути происходящих в них в этой области процессов пользоваться одними и теми же измерительными инструментами.

Попыткой отчасти обойти проблему сопоставимости данных зачастую выступает использование в сравнительных международных исследованиях такого показателя, как «национальная линия бедности». В рамках этого подхода в качестве критерия бедности задается определенный стандарт потребления в денежном эквиваленте. Все, чей уровень потребления ниже этой границы, относятся к числу бедных. Однако такой подход скорее затушевывает, чем проясняет картину, поскольку для определения национальной черты бедности в разных странах используются абсолютно разные методики. В итоге, например, уровень бедности в Китае оказывается в три раза ниже, чем в России, и почти на порядок ниже, чем в Бразилии и Индии, и это при том, что ВВП на душу населения в Китае в 2,5 раза ниже, чем в России, а доля национального дохода, приходящегося там на два нижних дециля (*таблица 1*) еще меньше, чем в нашей стране. Да и многочисленные публикации китайских коллег по проблеме бедности позволяют предположить, что за этими оптимистичными цифрами стоит очень непростая реальность [Zhang 2013; Zhang, Xu, Zhou, Zhang, Xie 2013; Zhu, Wan 2012].

Вот почему для более глубокого понимания сути бедности в разных странах необходима классификация типов бедности, учитывающая как ее структурные, связанные с развитием общества, так и индивидуальные причины, приводящие конкретных людей к «скатыванию» в бедность на определенном этапе их жизненных траекторий. Богатая традиция изучения бедности, накопленная мировой и отечественной наукой, позволяет предложить *классификацию, включающую как минимум три разных типа структурной бедности (прединдустриальная, индустриальная и постиндустриальная бедность) и два типа индивидуальной бедности. Все многообразие форм структурной бедности, которое можно встретить в мире, является лишь вариацией этих типов.*

Охарактеризуем вначале вкратце основные формы структурной бедности, те меры, которые исторически оправдали себя при борьбе с бедностью соответ-

ствующих типов, и ситуацию с представленностью этих типов бедности в России, а далее посмотрим на ситуацию с двумя типами индивидуальной бедности, обусловленной личными обстоятельствами человека. Только таким образом можно, на наш взгляд, ответить на ключевой вопрос: является ли бедность в России специфической вариацией одного из «идеальных типов» бедности или же бедность «по-русски» характеризуется уникальным сочетанием в ней различных типов бедности? От ответа на этот вопрос зависят и выбор оптимальной для российских условий методологии выделения бедных, и методы минимизации их численности, поскольку разные типы бедности предполагают разные формы и приоритеты помощи попавшим в сложное положение людям.

Преиндустриальная бедность в современных обществах

Тип бедности, с которым человечество столкнулось раньше всего – доиндустриальная (или, что точнее применительно к сегодняшней ситуации, преиндустриальная) бедность, спутник докапиталистического этапа развития общества. Она существует в двух основных формах – массовой сельской бедности и бедности люмпенизированных городских низов в период взрывной урбанизации.

1) *Преиндустриальная (доиндустриальная) сельская бедность* концентрируется в селах и связана с наличием значительного избыточного сельского населения и низкой эффективностью сельскохозяйственного производства, в большей степени носящего натуральный или полунатуральный характер. Для этой разновидности преиндустриальной бедности характерны, впрочем, не только широкое распространение натурального хозяйства и низкая производительность труда, но и сильная зависимость от геоклиматических условий, очень низкий и нестабильный уровень доходов сельских жителей, повышенный уровень детской смертности и т.д.

Если говорить о роли государства в борьбе с бедностью этого типа, то она обычно ограничивается минимальной помощью беднейшим с учетом необходимости их простого физического выживания. Более того, иной уровень поддержки при ней нецелесообразен не только из-за финансовых ограничений при массовости этого типа бедности в условиях ее доминирования, но и потому, главное, что в бедных аграрных или полуграрных обществах такой уровень жизни характеризует повседневную реальность большинства их членов, являясь своего рода стандартом уровня жизни населения. Так, например, в Индии, где этот тип бедности представлен из рассматриваемых стран наиболее широко, черта бедности соответствует с 1978 г. денежному эквиваленту 650 грамм зерна в сутки [Planning Commission 1978] – именно такое количество пищи обеспечивает, по расчетам индийских специалистов, около 2000 калорий, т.е. не позволяет человеку умереть от истощения. При такой национальной линии бедности уровень последней составлял в Индии в 2005 г. 37,2%⁴ (таблица 2), а к марту 2012 г. число выделенных в соответствии с ней бедных сократилось до 29,8%⁵ [Tendulkar, Radhakrishna, Sengupta 2009; Planning Commission 2013].

⁴ Статистика Комиссии по планированию [<http://www.pbplanning.gov.in>]. Последнее обновление 9 апреля 2013 г.

⁵ Стоит отметить, что сейчас Комиссия по планированию назначила новую экспертную группу для пересмотра прежней методологии оценки бедности. Существует высокая вероятность того, что в течение 2014 г. прожиточный минимум в Индии изменится.

Таблица 2. Многомерный индекс бедности⁶ и официальный уровень бедности в странах БРИК

Страна	Опрос	Год	MPI	Доля бедных, в т.ч.:			
				По национальной линии бедности	Находящихся «на грани бедности», по MPI	Бедных по MPI	Находящихся в «тяжелой бедности», по MPI
Индия	DHS ^{a)}	2005	0,283	37,2	16,4	53,7	28,6
Китай	WHS ^{b)}	2003	0,056	2,4	6,3	12,5	4,5
Бразилия	PNDS ^{c)}	2006	0,011	26,8	7,0	2,7	0,2
Россия	WHS ^{b)}	2003	0,005	20,3 ^{d)}	0,8	1,3	0,2

Источник: [Alkire, Seth 2013].

Примечания:

^{a)} Исследование *Demographic and Health Surveys* (Обследования демографической ситуации и здоровья). Подробнее см.: <http://www.measuredhs.com/What-We-Do/Survey-Types/DHS.cfm>

^{b)} Исследование *World Health Survey* (Международное исследование здоровья). Подробнее см.: <http://www.who.int/healthinfo/survey/en/index.html>

^{c)} Исследование *Pesquisa Demografia e Saúde da Mulher e da Criança* (Национальное обследование демографической ситуации и здоровья детей и женщин). Подробнее см.: <http://bvsms.saude.gov.br/bvs/pnds/index.php>

^{d)} Данные по России обновлены по реестру государственной статистики. См.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm

Естественно, что с точки зрения стандартов жизни в более развитых странах этот показатель доли бедных в Индии выглядит весьма дискуссионным. Сильно заниженным он представляется даже при применении методики измерения бедности, разработанной группой ученых по исследованию бедности и человеческого развития из Оксфордского университета. Эта методика специально ориентирована на анализ бедности в наиболее отсталых развивающихся странах [Alkire, Conconi, Roche 2012] и основана на депривационном подходе к бедности, в соответствии с которым бедных выделяют на основе испытываемых ими лишений. По этому принципу и рассчитывается Многомерный индекс бедности (MPI). В расчет индекса MPI входит 10 индикаторов, объединенных в три большие группы: образование, здоровье, стандарты жизни. Наиболее крупная группа индикаторов – стандарты жизни – включает в себя такие виды депривации, как отсутствие электричества, отсутствие доступа к чистой питьевой воде, земляной пол в жилище, использование навоза, дерева или угля для приготовления пищи, наличие в собственности не более одного предмета из следующего их набора: радио, телевизор, телефон, велосипед, мотоцикл, холодильник. Согласно оксфордской методике, люди, которые находятся «на грани бедности», испытывают депривацию по 20–33% из 10 индикаторов, в то время как испытывающие «тяжелую бедность» депривированы по 50% и более индикаторам.

⁶ Подробно о Многомерном индексе бедности (Multidimensional poverty index, MPI) см. ниже.

В настоящее время эта методика все шире используется международными организациями в своих статистических обзорах, хотя применимость ее для наиболее продвинутых развивающихся стран типа России вызывает большие сомнения. И хотя для беднейших стран она действительно обеспечивает возможность более корректных международных сопоставлений, чем данные статистики, основанные на национальных показателях черты бедности⁷, однако при включении в сравнение стран, находящихся на другом этапе исторического развития (типа Бразилии и, особенно, России, находящейся к тому же в иной климатической зоне и характеризующейся другими культурными традициями), этот индекс теряет всякий смысл. Фактически он позволяет измерить лишь распространенность глубокой бедности преиндустриального типа, которая, как видно из таблицы 2, в России хотя и присутствует, но распространена сравнительно мало (в то же время не стоит забывать, что каждый процент российского населения – это около 1,5 млн чел., и, следовательно, сегодня в России около 2 млн чел. находятся⁸ в этой разновидности бедности, что можно рассматривать как свидетельство крайней неэффективности российской социально-экономической политики).

Если говорить о путях ликвидации бедности этого типа, то стратегически избавление от нее предполагает ускорение экономического развития, завершение процессов урбанизации, утверждение высокоэффективного современного сельскохозяйственного производства, в том числе и подготовка кадров⁹, а также переход к регулируемой рождаемости. Тактически же наиболее эффективным способом борьбы с преиндустриальной бедностью выступает распространение в сельской местности системы производственного обучения молодежи по требующимся не только в селах, но и в городах специальностям с последующей организованной миграцией части сельской молодежи в города.

Однако при реализации любых мер борьбы с этой разновидностью бедности следует помнить, что ее экономические предпосылки всегда сочетаются с характерными для национальной культуры институтами, специфическими для обществ доиндустриального типа. Так, применительно к Индии это будут особенности ее социальной структуры, связанные с особой ролью кастовой системы стратификации и разницей религиозной принадлежности отдельных слоев населения. Именно поэтому локализация бедности в Индии наблюдается, с одной стороны, среди самозанятых и сельского населения, не обеспеченного землей [Datt, Ravallion 2011] и занятого элементарными формами сельскохозяйственного труда (сельскохозяйственные рабочие – самые бедные профессиональные группы в сельской Индии, также как разнорабочие – в городах [Sundaram, Tendulkar 2003]). С другой же стороны, бедные концентрируются в определенных кастах и религиозных группах (так, среди сельского

⁷ Как видно из таблицы 2, показатель многомерной бедности MPI для Индии в 2005 г. составлял 53,7%, что почти в полтора раза выше официального значения уровня бедности в этой стране.

⁸ Хотя общее число бедных за период, прошедший с момента расчета этого индекса для России, сократилось в полтора раза, однако, как показывают данные панельных исследований (см. [Тихонова, Слободенюк 2014]), именно беднейшей части населения это сокращение практически не коснулось – из бедности выходили в основном т.н. «ситуационные» бедные, чья бедность была не очень глубока. Это позволяет считать, что общая доля бедных такого типа к настоящему моменту в России практически не изменилась.

⁹ Например, опыт Индии показывает, что при доминировании доиндустриальной бедности вследствие низкой распространенности формальной занятости (8% в Индии) у работников очень малы возможности для повышения квалификации за счет работодателя, т.е. формальных курсов и т.п. [Jamal, Mandal 2013].

населения основу бедности почти во всех штатах составляют индустры; в городах же самыми бедными оказываются мусульмане, поскольку большая их часть традиционно занята на позициях разнорабочих [John, Mutatkar 2005]). Кастовая система сдерживает внутреннюю миграцию населения, что в свою очередь сказывается на уровне бедности в ней [Bhagat 2010]. Пониженные показатели миграции – типичная черта преиндустриальной бедности, при которой бедные являются самой немобильной группой населения. И это объяснимо: смена места жительства влечет за собой не просто переезд и разрыв семейных и кровных связей, но и попадание в чуждую и даже враждебную среду с другими религиозными и культурными обычаями¹⁰. Поэтому большая часть миграции в Индии протекает в рамках локальных районов проживания (60,4%), преимущественно между деревнями (46,9%), и главным образом по причине замужества, на которое еще в 2000-х гг. приходилось около 40% всех случаев миграции [Singh, Kumar, Singh, Yadava 2011].

Мы говорим об этом столь подробно потому, что борьба с массовой сельской бедностью преиндустриального типа достаточно сложна и отнюдь не сводится к проблеме поиска финансирования мер социальной защиты и другим организационно-управленческим мерам. И хотя в России, в отличие от других стран БРИК, бедность такого типа составляет примерно 10% бедности в целом, это не значит, что проблема преиндустриальной бедности в нашей стране не сможет актуализироваться в будущем с учетом разницы моделей демографического воспроизводства в различных регионах страны. И неслучайно (хотя предпосылки массового распространения этого типа бедности в России были ликвидированы в ходе индустриализации еще в 1930–1950-е гг. прошлого века) ее локализация в определенных регионах с весьма специфичной моделью экономики и ярко выраженными особенностями национальной культуры сильно затрудняет возможности кардинального решения проблемы преиндустриальной бедности в России. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе на 1 января 2010 г. сельское население составляло 51,1%. Отдельные субъекты Федерации демонстрируют еще более высокие показатели – в Чеченской Республике на долю сельского населения приходится 63,6% [Сборник ФСГС (2) 2014]. Более того, согласно данным ФСГС, даже к 2031 г. эта картина претерпит лишь очень незначительные изменения и общая численность сельского населения в России к этому моменту составит очень высокий показатель для индустриальной развитой страны – 22,6% [Сборник ФСГС (1) 2014]. Избыточность же сельского населения не только ведет к массовой маятниковой трудовой миграции из сельской местности в города, что при состоянии российской транспортной системы само по себе является серьезной проблемой, но и отражается на уровне занятости¹¹ и уровне зарплат на селе.

При этом уже сегодня доля сельских жителей из числа российских бедных не просто велика, но и имеет тенденцию к увеличению. Как показывают данные исследования Института социологии РАН «Бедность и бедные в современной России», проведенного в марте 2013 г. по общероссийской выборке, репрезентирую-

¹⁰ Из всех бедных среди основных религиозных групп в Индии наивысшую склонность к мобильности демонстрируют мусульмане, однако сегодня они и так по большей части проживают в городах [Tsujita, Oda 2012].

¹¹ В этой связи стоит отметить, что в селах России не имеют постоянной занятости, судя по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 2011 г., свыше половины всех бедных трудоспособного возраста [Тихонова, Слободенюк 2014].

щей население страны по региону проживания, типу поселения, полу и возрасту, практически половина (46%) бедных «по доходам»¹² проживает в малых населенных пунктах, в том числе 36% – в селах. Для небедных эти показатели равны 29% и 23% соответственно [Горшков, Тихонова 2014]. В то же время в 2003 г., судя по данным исследования «Богатые и бедные в современной России» ИКСИ РАН [Горшков, Тихонова 2004], ситуация в городах и сельской местности в этом отношении была практически идентична: если в селах доля бедных составляла 47%, то в городах – 46%.

Впрочем, особо следует подчеркнуть, что, хотя классический вариант прединдустриальной сельской бедности сегодня можно встретить лишь на Северном Кавказе и в других регионах страны со значительной долей сельского населения, высокой рождаемостью и значительной ролью натурального хозяйства в доходах домохозяйств (хотя и в них далеко не вся сельская бедность относится к прединдустриальному ее типу), в целом сельская бедность в России к этой форме не сводится. Более того, не она является сегодня наиболее типичной для российской сельской бедности в целом. Характерными особенностями России представляются другие типы массовой сельской бедности – бедность умирающих сельских поселений, уже не кормящихся «с земли», а также бедность маргинализирующихся и утративших связь с землей жителей относительно благополучных сельских поселений. Такова, например, в значительной степени сельская бедность Нечерноземья или северо-западных районов страны. Судя по данным уже упоминавшегося исследования Института социологии 2013 г., 99% сельских бедных не имели никакой земли, включая приусадебные участки, и 87% – никакого скота¹³. При этом среди тех бедных сельских домохозяйств, в которых кто-либо из взрослых не работал на постоянной основе, эти показатели были еще выше – 100% и 95% соответственно. Таким образом, российские сельские бедные в своем большинстве уже не заняты в натуральном хозяйстве, что кардинально отличает ситуацию с ними от картины сельской бедности в Индии или Китае.

Впрочем, и эти разновидности прединдустриальной сельской бедности связаны, в конечном счете, с технологической отсталостью сельского хозяйства определенных территорий, с одной стороны, и отсутствием достаточного спроса на местную рабочую силу соответствующего качества на локальных рынках труда – с другой. И в этом смысле *сельская бедность в России по сути своей однотипна с сельской бедностью любой страны с незавершенными процессами урбанизации, наличием в селах избыточного населения трудоспособного возраста с низким качеством человеческого капитала и высокой долей незанятого или частично (сезонно, временно и т.д.) занятого населения. Однако она имеет и свою качественную специфику по отношению, например, к сельской бедности в других странах БРИК, где натуральное хозяйство все еще играет в жизни сельских жителей гораздо большую роль, чем в России, а доля сельских жителей (и сельской бедности) намного выше.*

¹² В исследование использовались несколько подходов к выделению бедных – абсолютный («по доходам»), относительный в его депривационной версии («по лишениям») и субъективный («по самооценке»). Используя данные этого исследования, здесь и далее мы будем приводить цифры, характеризующие ситуацию только с бедными «по доходам», т.е. теми россиянами, которые расцениваются государственной статистикой как бедные.

¹³ Стоит отметить в этой связи, что Северо-Кавказский регион не был представлен в выборке исследования ИКСИ РАН «Богатые и бедные в современной России» (2013); юг России в ней представляли Ставропольский край и Ростовская область.

2) *Прединдустриальная бедность люмпенизированных городских низов.* В классическом варианте, известном еще из истории развитых европейских стран XVIII–XIX вв., она возникает как следствие неконтролируемой стихийной миграции сельского населения в города из перенаселенной сельской местности. Особенно тяжелые последствия этот процесс имеет в случае, если в обществе отсутствуют институты (например, институт прописки), которые регламентируют приток переселенцев в города. Экономическая основа бедности «новых горожан» – крайне низкая заработная плата из-за несоответствия уровней спроса и предложения на рабочую силу соответствующего уровня квалификации.

Этот тип бедности наиболее хорошо просматривается сегодня на примере Бразилии, где массовый отток населения из деревень в города за последние 30 лет произошел не по причине развития индустриального сектора в городах (как это было в Европе, СССР и Китае), а из-за активной технологической и институциональной¹⁴ модернизации первичного сектора экономики, которая пришлось на вторую половину XX в. В настоящее время аграрный сектор Бразилии, представленный крупным агробизнесом, является высокотехнологичным производством, для обслуживания которого требуется лишь немногочисленная, но квалифицированная рабочая сила [Klein, Luna 2006].

Оборотной стороной этой модернизации агробизнеса стало образование особого типа городских агломераций, характеризующихся хаотичным и стихийным заселением пригородов крупных мегаполисов в местах, непригодных и даже запрещенных для проживания – так называемых *favelas*. Несмотря на то, что такой тип жилья впервые возник в Бразилии еще в 1890-х гг., массовое распространение этой застройки стало нормой лишь во второй половине XX в. Оно явилось своеобразным ответом бразильского общества на процесс модернизации сельского хозяйства в условиях отсутствия роста спроса на рабочую силу в городах.

Основная причина воспроизводства бедности люмпенизированных городских низов кроется в существовании условий, при которых не может быть устранена главная ее причина – дефицит рабочих мест для низкоквалифицированной рабочей силы. Низкий спрос на нее, приводит, с одной стороны, к очень низким заработным платам в этом сегменте рынка труда и распространению различных форм нестандартной и неформальной занятости, а с другой, что еще важнее, – к очень высоким показателям безработицы. В Бразилии, например, низшие 20% населения страны фактически полностью исключены из создания национального дохода, и основная их часть проживает именно в городах. Естественно, что как особенности занятости, так и массовая безработица ведут к маргинализации мигрантов из сельской местности и формированию на их основе массового «городского дна».

Опыт Бразилии показывает, что политика в этой области должна осуществляться в более широком контексте, чем просто помощь бедным, и включать в том числе совершенствование системы образования в сельской местности. Исследования последних лет свидетельствуют – игнорирование первичной ступени образования, составляющей большую часть школьного образования в сельской местности Бразилии, значимо сказалось на миграции в города [Tarlau 2013]. Порождаемая во многом ошибками образовательной политики социальная эксклюзия буквально отрезает обездоленное население Бразилии от качественного государственного об-

¹⁴ Имеется в виду инициированная в 1960-х гг. в Бразилии всесторонняя государственная поддержка сельского хозяйства – субсидирование кредитов, покупка и регулирование излишка сельхозпродукции и т.д.

разования, выталкивая детей на улицы, усугубляя бедность и воспроизводя преступность [Moulin, Pereira 2000]. С другой стороны, неконтролируемая миграция в города создает в них нехватку школ и дефицит квалифицированного преподавательского состава, которому приходится работать в классах, переполненных детьми из экономически неблагополучных семей [Leonardos 2012]. Даже если такие дети посещают школу, знание и навыки, которые они там осваивают, весьма сомнительны с точки зрения их применимости в будущем. Ситуация усугубляется «культурной ригидностью», широко распространенной в Бразилии и проявляющейся в том, что «дети... хронически не усваивают знания и ценности, характерные для среднего класса» [Leonardos 2012, p. 71]. В результате всего этого прединдустриальная бедность люмпенизированных городских низов консервируется.

Для России этот тип бедности пока нехарактерен, хотя процесс формирования на селе избыточного населения идет (особенно на Кавказе) довольно активно, и часть этого населения переезжает в города Южной и Центральной России, в том числе и Москву. При этом для выходцев с Кавказа такая миграция облегчается активным задействованием помощи диаспор. Что же касается русского населения из сельской местности, то отсутствие помощи при переезде со стороны кого бы то ни было и конкуренция с другими мигрантами, в том числе из стран постсоветского пространства, за занятие соответствующих их уровню квалификации профессиональных позиций в городах на фоне сложностей с жильем и пропиской резко ограничивают для него возможности миграции из сел в крупные города.

Однако хотя в России, как и в Китае, основную массу мигрантов из сельской местности принимают на себя малые города с их и так непростой ситуацией на локальных рынках труда¹⁵, приток мигрантов из сельской местности в крупные и средние города не стоит недооценивать – среди лиц трудоспособного возраста каждый пятый бедный житель российских городов с численностью населения свыше 100 тыс. чел. вырос в деревне.

Особо надо сказать в связи с проблемой городской бедности и о формировании в России люмпенизированного «городского дна». Так, судя по данным исследования Института социологии РАН 2013 г., почти каждый десятый бедный трудоспособного возраста даже в городах-миллионниках с их развитым и трудодефицитным рынком труда не работает без видимых оснований для незанятости (т.е. не находясь при этом на пенсии, в декретном отпуске, не будучи студентом и т.д.) [Горшков, Тихонова 2014]. С учетом же нелегальных и полунелегальных (без разрешения на работу, с просроченной визой и т.д.) мигрантов, среди которых доля бедных выше, чем в остальном населении, эта цифра будет заметна больше.

Все это заставляет, даже несмотря на сохранение в России de facto института прописки, говорить о *возможности актуализации в российском обществе проблемы городской бедности прединдустриального типа*. Такая ситуация тем более

¹⁵ Одновременно идет отток части люмпенизированных городских бедных в села, что дополнительно усложняет ситуацию в них. Отчасти в этой миграции участвуют маргинализированные слои городского населения, теряющие свое жилье в результате квартирных махинаций, причем масштабы этой миграции не стоит недооценивать – только 42% российских бедных, проживающих в селах, выросли в селах, а 29% выросли в городах с численностью населения свыше 100 тыс. чел., в том числе 11% – в городах-миллионниках, где жилье наиболее дорого и представляет поэтому для мошенников особый интерес. Отчасти же в этой миграции участвуют выходцы из сельской местности, переселившиеся ранее в города, но «не нашедшие своего места» в них и возвращающиеся, особенно к старости, на «малую родину» (данные исследования ИС РАН «Бедность и бедные в современной России» (2013) [Горшков, Тихонова 2014]).

опасна, что в странах с широким распространением этой формы преиндустриальной бедности относительно быстрее растут преступность и прочие формы социальной девиации (наркомания, алкоголизм и т.п.).

Подводя итоги рассмотрения форм преиндустриальной бедности, можно сказать, что *корни обеих ее разновидностей находятся вне рынка труда – это бедность лишних людей, оказавшихся ненужными даже как объект эксплуатации*. При этом в силу плохой социализации в современной культуре и низкой квалификации их очень сложно включить в рынок труда, по крайней мере так, чтобы вопрос их бедности был тем самым снят. Им можно только оказывать гуманитарную помощь и пытаться социализировать, обучать детей и молодежь из их числа, чтобы они могли со временем занять более благоприятные структурные позиции. При этом размер помощи такого типа бедным зависит, во-первых, от возможностей общества и уровня его социально-экономического развития, а во-вторых, – от особенностей его национальной культуры, в частности распространенности в ней ценностей солидарности.

Именно от этого обычно и отталкиваются в странах с доминированием этого типа бедности при установлении прожиточного минимума. И именно поэтому, а не только из-за разных климатических условий, прожиточный минимум в них всегда очень различается по наполнению и размеру. Поэтому же в подавляющем большинстве случаев в странах с доминированием преиндустриальной бедности для выделения бедных используется абсолютный подход к бедности, т.е. «черта бедности» задается на основе расчетов экспертов, формирующих некий набор благ, соответствующий представлениям о прожиточном минимуме в данной конкретной стране.

Однако Россия, как уже отмечалось, несмотря на присутствие в ней различных разновидностей этого типа бедности, не относится к числу стран, где они доминируют. И, следовательно, вопрос о методах выделения бедных должен решаться в ней исходя из иных теоретических подходов.

Индустриальная бедность – основной тип структурной российской бедности

Индустриальная бедность характерна для всех стран, находящихся на этапе индустриального развития¹⁶. Она обусловлена избыточным предложением низко- и среднеквалифицированного труда. Отсюда вытекают низкие зарплаты этой части рабочей силы, независимо от того, относятся ли ее обладатели к представителям физического (разнорабочие) или нефизического (торговля и т.п.) труда. При этом часть соответствующего типа работников с учетом их зарплаты заранее обречена на бедность, а другие оказываются в бедности при малейшем ухудшении их семейной ситуации и росте иждивенческой нагрузки (рождение ребенка, особенно второго, потеря работы супругом или развод, болезнь кого-то из членов семьи и т.д.).

Индустриальная бедность – это «бедность эксплуатируемого труда», когда соотношение спроса и предложения на определенных сегментах рынка труда для работников складывается особенно неблагоприятно. Поскольку экономической

¹⁶ Подробнее о структурных индикаторах индустриализации и особенностях ее различных этапов см. [Anikin (1) 2013].

причиной этого типа бедности является специфика взаимоотношений капитала и рабочей силы в каждый конкретный исторический момент и в определенной точке пространства, *такой тип бедности характерен прежде всего для занятой части населения*¹⁷, в том числе – и имеющих полную формальную занятость, а не безработных и частично занятых как при городской бедности преиндустриального типа. При этом с точки зрения сущности этого типа бедности не так важно, кто именно «недоплачивает» работнику – отдельный капиталист или государство. В любом случае *индустриальная бедность тем выше, чем больше у работодателей власти на рынке труда и чем слабее переговорные позиции работников*.

Этот тип бедности также обычно измеряется и анализируется с точки зрения абсолютного подхода к ней, хотя прожиточный минимум в странах с доминированием этого типа структурной бедности задается уже исходя не из задачи обеспечения элементарного физического выживания человека, а с учетом необходимости *сохранения его как работника и обеспечения межпоколенческого воспроизводства достаточно квалифицированной рабочей силы*. Именно поэтому в так называемых развитых странах минимальная заработная плата уже давно соответствует обычно не менее чем 1,5 прожиточным минимумам, как это и рекомендовано МОТ. Впрочем, для них период безусловного господства этого типа бедности – уже пройденный этап.

Все страны БРИК, хотя и в разной степени, являются примерами распространности этого типа бедности. Так, в Китае, где он представлен особенно широко, бурный рост экономики наблюдается на фоне неуклонного снижения участия нижних 20% населения страны в распределении национального дохода, а также относительного снижения доли доходов нижних 20% работников в общей совокупности заработных плат (см. *таблицу 1*, а также [Nee, Stark, Selden 1989]). Рост эксплуатации в коммерческом секторе, последовавший за изменениями в структуре собственности китайской промышленности в ходе реформ последних десятилетий, усугубляется в Китае многими явлениями, характерными именно для этой страны (система государственной регистрации *hukou* [Bai 2006], аналога знакомой россиянам прописки, роль членства в государственных профсоюзах и дискриминация тех, кто не является их членами, *принадлежность к guojia ganbu*, аналогу российского чиновничества и т.д.). Накладываясь на изменения в структуре промышленности, эти особенности стали играть важнейшую роль в определении классового статуса и материального благосостояния работающих китайцев с 1990-х гг.¹⁸, повышая риск обеднения главным образом для тех профессиональных групп, которые образовались в ходе активной индустриализации и последовавшей за ней урбанизации Китая в последние десятилетия, прежде всего, огромной армии рабочих, приезжающих в города для работы¹⁹ на предприятиях индустриального сектора²⁰ (наподобие того, что происходило в странах Западной Европы в начале и середине XIX в.).

¹⁷ Хотя в положении бедных оказываются, разумеется, при этом и другие члены их домохозяйств.

¹⁸ О роли государственных механизмов социальной селекции в формировании классового статуса в современном Китае см.: [Bian, Breiger, Galaskiewicz, Davis 2005; Lin, Wu 2009].

¹⁹ На примере Бразилии было показано, что сам факт миграции в города не оказывает никакого эффекта на индустриализацию; напротив, опыт Китая свидетельствует, что именно стремительный экономический рост явился наиболее существенной причиной национального миграционного бума (см. подробно [Zhang, Song 2003]).

²⁰ О роли изменений в структуре собственности и в структуре промышленности в трансформации классовой структуры Китая см.: [Li 2013; Горшков, Пэйлинг, Голенкова 2012].

Общее число трудящихся-мигрантов в китайских городах в 2012 г. составляло 262,61 млн чел.²¹. При этом в своей массе, несмотря на занятость, они оказывались в составе бедного населения, поскольку почасовые ставки мигрантов из сельской местности в Китае гораздо ниже, чем у горожан, и хотя они трудятся в среднем большее число часов, это не спасает их от бедности [Park, Wang 2010]. Бедность мигрантов в Китае характеризуется также ограничениями в области доступа к улучшенным условиям проживания, бесплатному образованию для детей²² и к программам социального обеспечения, поскольку у них существуют трудности с получением локального *hukou* [Goh, Luo, Zhu 2009]. Как и в случае с их европейскими предшественниками, ограниченный доступ к образованию мигрантов в Китае приводит к снижению их шансов на рынках труда в отношении рабочих мест, обеспечивающих стабильность занятости, перспективы карьерного роста и приемлемую заработную плату [Wan 2004] (и в этом случае, как и в ситуации с образованием в Бразилии, мы вновь видим, что именно качество школьного образования играет огромную роль в вероятности оказаться в числе бедного населения).

Конкуренция за позиции низко- и среднеквалифицированной рабочей силы, характерная для всех стран, переживавших соответствующий этап развития, существует и в современной России. Причем это происходит, даже несмотря на то, что в нашей стране число рабочих мест, рассчитанных на рабочую силу такого качества, становится все больше (таблица 3). Однако, в отличие от других стран БРИК, в России одновременно с ростом числа этих позиций сокращается доля квалифицированных рабочих мест в индустриальном секторе. В итоге рост позиций неквалифицированного труда обеспечивается за счет рабочих мест, предполагающих неквалифицированный *нефизический* труд, прежде всего, занятость на простых позициях в торговле и сфере бытового обслуживания (таблица 3).

Тем не менее, даже несмотря на рост числа самих позиций низко- и среднеквалифицированного труда, конкуренция за занятость на них относительно высока, поскольку, с одной стороны, на них претендуют и мигранты из других стран, в том числе постсоветских, а с другой, на них же вынуждена претендовать и часть более квалифицированного населения, лишенная возможности найти для себя работу по старому профилю деятельности в силу сокращения числа рабочих мест относительно высокой квалификации и готовая пойти на резкое падение своего статуса вплоть до смены классовой принадлежности (стоит отметить в этой связи, что часть населения предпочитает в этой ситуации «уход в незанятость»). В итоге этой конкуренции зарплат на такого типа рабочих местах очень низкие и именно работники низко- и среднеквалифицированного труда попадают сегодня в России в бедность в первую очередь, независимо от физического или нефизического характера их труда (таблица 4).

²¹ Согласно статистике [http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20130222_402874607.htm], городское население Китая растет примерно на 21 млн чел. в год, хотя занятое население городов увеличивается ежегодно лишь на 12,66 млн чел. Таким образом, в большинстве своем эти люди все-таки оказываются (в отличие от Бразилии) в числе работающих, хотя около 40% вновь прибывшего городского населения формируют граждане, не вовлеченные в производственный процесс [National Bureau of Statistics of China 2013]. Отчасти это семьи трудящихся-мигрантов, которые находятся у них на иждивении, а отчасти – представители прединдустриальной городской бедности, о которой уже говорилось выше как о бедности «лишних людей», не представляющих интереса даже как объект эксплуатации.

²² Следствием такого неравенства, которое можно считать фактором люмпенизации части городского населения, может служить показатель неграмотности (процент людей в возрасте от 15 лет и выше, которые не умеют читать и писать) в промышленно развитых и густонаселенных провинциях прибрежной полосы восточного Китая – Чжэцзян (6,26%), Шаньдун (6,62%), Аньхой (8,37%), превышающей средний для Китая уровень неграмотных в 5,21% (2,93% для мужчин и 8,67% для женщин) [Park, Wang 2010].

Таблица 3. Динамика численности укрупненных профессиональных групп (ISCO-88) по населению России в целом в 1994–2011 гг., % от работающих

Укрупненные профессиональные группы	1994	2005	2011
Высококвалифицированные «белые воротнички» (0, 1, 2, 6 классы по ISCO-88)	19,4	17,7	18,3
«Белые воротнички» средней и низкой квалификации (3, 4 классы)	20,3	23,9	27,4
Занятые на простых позициях в торговле и бытовом обслуживании (5 класс)	8,2	10,7	11,7
Квалифицированные рабочие (7,8 класс)	37,6	33,1	28,6
Неквалифицированные рабочие (9 класс) ²³	14,5	14,6	14,0

Источник: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ) – панельное исследование, проводимое с 1992 г. Его базы представлены как в версии, репрезентирующей население страны за каждый год, так и в более полной версии панели респондентов за весь период наблюдений. В таблице данные приведены по репрезентативным базам РМЭЗ.

Примечания: Расчеты численности групп проводились В.А. Аникиным в соответствии с разработанной им методикой кодировки профессиональных статусов по ISCO-88, учитывающей особенности российских условий [Аникин 2009; Аникин 2013]. Светло-серый фон в таблице использован для показателей по группам с тенденцией устойчивого и значительного роста их численности, темно-серый – сокращения.

Таблица 4. Профессионально-должностные позиции, на которых работают бедные «по доходам» и небедное население, 2013, % от их работающих представителей

Профессионально-должностная позиция	Бедные «по доходам»	Небедные
Предприниматели, имеющие наемных работников	1	1
Руководители разного уровня	2	5
Специалисты на должностях, предполагающих высшее образование, в том числе офицеры	12	27
«Самозанятые» (индивидуальная трудовая деятельность, частная практика и т.п.) или имеющие бизнес, где работают только члены их семьи	2	2
Служащие (включая неофицерский состав силовых ведомств), офисные работники, работники из числа технического персонала	18	14
Рядовые работники торговли или сферы бытовых услуг (продавец, парикмахер и т.д.)	11	12
Рабочие, в том числе операторы станков, механизаторы, водители и т.д. от 5 разряда	9	19
Рабочие 3–4 разрядов	17	13
Рабочие 1–2 разрядов и без разряда	28	7

Источник: Данные исследования Института социологии РАН «Бедность и бедные в современной России», 2013 г.

Примечания: Жирным шрифтом и фоном выделены позиции, наиболее характерные для бедных, с одной стороны, и небедного населения, с другой; расчеты авторов статьи.

²³ Примерно половину этой группы в России составляют представители элементарных форм занятости неиндустриального и несельскохозяйственного труда – уборщицы, гардеробищицы, дворники и т.п.

Как видно из *таблицы 4*, в составе работающих бедных в России очень высока доля низко- и среднеквалифицированных рабочих, составляющих 45% всех работающих бедных, а также низко- и среднеквалифицированных работников нефизического труда, составляющих еще почти 20%. В небедных слоях российского населения доля этих профессиональных групп вдвое меньше и составляет всего треть. При этом если для неквалифицированных работников нефизического труда вероятность оказаться в бедности «по доходам» заметно выше, чем для россиян в целом, но все же менее 30%, то разнорабочие и рабочие 1–2 разряда уже почти в 60% случаев оказываются в числе бедных. *Таким образом, сегодня в России «костяк» работающих бедных составляют те, кто традиционно относится к ним на раннеиндустриальном и индустриальном этапах развития.*

Хорошо знакомы нашей стране и другие особенности индустриальной бедности, о которых шла речь выше применительно к Китаю²⁴, а именно – очень высокая норма эксплуатации, быстрое относительное обнищание двух нижних децилей, маятниковая миграция на работу в крупные города с относительно более низкими заработками мигрантов, немонетарные формы депривации бедных слоев и т.д.

Однако, в отличие от других стран, переживавших индустриальный этап развития, в России, помимо деиндустриализации и сокращения числа профессиональных позиций высококвалифицированного труда, существует еще одно весьма серьезное отличие в профиле и причинах бедности значительной части ее населения. Избыточное предложение низкоквалифицированной рабочей силы в последние годы очень активно подпитывалось миграцией из ряда бывших советских республик и некоторых азиатских стран, в то время как в других странах БРИК, как и в свое время в Европе, источником его была, прежде всего, миграция из сельской местности в города с одновременным резким сокращением доли сельского населения. Это избыточное предложение рабочей силы в чреватом повышенными рисками бедности сегменте рынка труда автоматически увеличивает относительное падение стоимости рабочей силы низкой и даже средней квалификации и способствует усугублению консервации бедности работников, занятых на соответствующих рабочих местах. В итоге сейчас в России существует парадоксальная ситуация, когда минимальная заработная плата по стране в целом ниже, чем прожиточный минимум²⁵.

Ситуацию дополнительно осложняют отраслевые, региональные и поселенческие неравенства, которые, накладываясь друг на друга, ставят людей с одинаковым уровнем квалификации и схожим типом деятельности в сильно различающиеся условия. В силу этого свыше 40% даже неквалифицированных рабочих, для которых риск бедности максимален, как показывают данные исследования

²⁴ В силу сохранения института прописки и переживаемого им этапа движения по пути индустриализации и урбанизации по соотношению разных типов бедности Китай относительно ближе к России, чем Бразилия или Индия.

²⁵ В то же время в отдельных регионах ситуация может складываться и иначе в зависимости от переговорной силы и организованности работников и позиции местных властей. Так, в Москве относительно низкая доля бедных обеспечивается не только гораздо лучше организованной и финансируемой системой социальной защиты, но и тем, что минимальная заработная плата работника в соответствии с тройственными соглашениями в ней уже много лет выше регионального прожиточного минимума. Так, на 01.01.2014 г. она составляла 12600 руб. (Соглашение о минимальной заработной плате в городе Москве на 2014 г. между Правительством Москвы, московскими объединениями профсоюзов и московскими объединениями работодателей) [<http://base.garant.ru/100133/>].

ИС РАН 2013 г., все же не попадают в бедность, в то время как профессионалы, для которых риск бедности «по доходам» вдвое ниже, чем для среднего россиянина, в каждом десятом случае все же оказываются бедными.

С бедностью индустриального типа стратегически принято бороться за счет стимулирования создания высокоэффективных рабочих мест методами инвестиционной и налоговой политики, развития общедоступных систем образования и получения квалификации. Тактически же хорошо зарекомендовали себя очень жесткий контроль миграции извне, особенно – миграции неквалифицированной рабочей силы, детальная проработка трудового законодательства и усиление контроля за его соблюдением, а также установление обеспечивающей социально приемлемый образ жизни минимальной почасовой оплаты труда²⁶. К слову сказать, набор мер такого типа, успешно реализовывавшихся в так называемых развитых странах на соответствующем этапе их развития, преследовал, независимо от сопутствовавшей им политической риторики, отнюдь не гуманитарные цели, ассоциирующиеся с понятием «государств всеобщего благосостояния». Он формировал для экономики этих государств работников с хорошим качеством человеческого капитала, а также способствовал приращению социального капитала общества, обеспечивающего дополнительные возможности управленческого маневра. Все это обеспечило этим странам дополнительные и очень серьезные конкурентные преимущества на мировой арене и возможность демонстрировать более высокие темпы экономического роста. Социальная помощь, на которую мог рассчитывать при этом оказавшийся в сложной ситуации человек, зависела от его классовой позиции и была сильно дифференцирована, но в целом достигала гораздо больших размеров, чем в случае с бедностью преиндустриального типа, поскольку уже не была ориентирована лишь на элементарное физическое выживание, а предполагала воспроизводство рабочей силы с качественным человеческим потенциалом. К сожалению, в России, несмотря на доминирование этого типа бедности, при расчете прожиточного минимума задача воспроизводства качественной рабочей силы не учитывается.

Постиндустриальная бедность

О бедности этого типа, с которой ассоциируется обычно понятие «новые бедные», активно заговорили на Западе с 1970-х гг. Ее возникновение было вызвано деиндустриализацией экономик в развитых странах (точнее, сокращением индустриального сектора в развитых странах, прежде всего, США, с одновременным выносом с их территорий индустриальных производств в развивающиеся страны). В ходе этих процессов произошло сокращение числа рабочих мест, традиционно относившихся к среднему и рабочему классам, с одновременным ростом структурных позиций верхнего среднего и низшего классов, т.е. произошла поляризация классовой структуры общества. Одновременно резко обострилась конкуренция за эффективные рабочие места представителей квалифицированного труда. Это привело, с одной стороны, к демпингу стоимости легко-

²⁶ Распространенность среди бедных разного рода нестандартных форм занятости требует регулирования именно почасовой, а не месячной оплаты труда.

взаимозаменяемой («родовой» [*Кастельс* 2000; *Castells* 2004; *Stalder* 2006]) рабочей силы даже на рабочих местах профессионалов и углублению дифференциации внутри ранее куда более гомогенных профессиональных групп, а с другой, – к «выталкиванию» наименее конкурентоспособной в силу разных причин части высококвалифицированных работников за пределы не только их старых профессиональных статусов, но подчас даже классов. В итоге многие ранее вполне благополучные представители среднего класса и особенно их дети, которым после получения образования не находилось работы²⁷, оказались в числе «новых бедных». «Новыми» их стали называть именно потому, что раньше люди с таким уровнем образования и классовой принадлежностью в составе бедного населения не оказывались.

Таким образом, *экономической основой этого типа бедности являются структурные изменения в экономике и рост глобальной конкуренции за рабочие места, т.е. конкуренции в рамках международного рынка труда*. Эти трансформации сопровождаются корректировкой социального смысла работы: риски массовых сокращений, широко распространенная нисходящая профессиональная мобильность, слабоиндексируемые зарплаты на фоне опережающей инфляции, повышение нормы эксплуатации и т.п. характерные особенности труда в условиях глобализирующейся экономики. Они создают тот новый социально-экономический контекст, в котором идет формирование этого типа бедности. Работа же, еще вчера выступавшая источником благосостояния и процветания человека, сегодня становится для многих настоящим проклятием²⁸.

Все это означает, что принципиальное отличие постиндустриального типа бедности от индустриального заключается в том, что, хотя эта бедность также формируется с участием рынка труда, но это уже не столько локальный, сколько глобальный рынок труда. Кроме того, путь к бедности в обществах, находящихся на этапе перехода от позднеиндустриального к постиндустриальному этапу развития, очень индивидуален, вероятностен, и наступление бедности в каждой отдельной ситуации кажется во многом случайным. Место жительства уже не предопределяет жестко попадания конкретного человека в бедность, как это происходит в живущей натуральным хозяйством крестьянской семье при прединдустриальной бедности, также как характер занятости не делает для него жизнь в бедности наиболее вероятной судьбой, как для рабочего при доминировании индустриального типа бедности. Однако они повышают риски бедности и при сочетании с другими неблагоприятными факторами ведут человека к бедности столь же неумолимо.

Общества на этом этапе развития обычно уже достаточно богаты для того, чтобы обеспечить своих бедных не только средствами для элементарного физического выживания, но и вполне сносным прожиточным минимумом, и на первый план в интерпретации проблемы бедности выходит уже не столько нехватка денежных

²⁷ Именно молодежная бедность, обусловленная высоким уровнем безработицы даже среди высокообразованной части молодого поколения, является одной из характерных особенностей бедности в развитых странах [*Leslie, Drinkwater; O'Leary* 1998].

²⁸ Это нашло отражение даже в повседневной культуре некоторых стран. Так, в Великобритании очень популярно выражение «зарплатное рабство» – “wage slavery” [*Persky* 1998]. В научной литературе новая социальная группа, формирующаяся в результате ослабления структурных позиций среднего класса в сфере трудовых отношений, начавшегося с конца XX в., получила название «прокариат» [*Standing* 2011].

средств, сколько сопутствующая бедности эксклюзия, т.е. выпадение из «мейн-стрима», невозможность поддерживать стандарты жизни, принятые большинством, что постепенно ведет к дискриминации. Соответственно, на смену логике анализа бедности через призму абсолютного подхода приходит депривационный подход к бедности, причем в признаках депривации постепенно все большую роль начинают играть нематериальные виды лишений, связанные, скорее, с доступом к ресурсам (вспомним в этой связи концепции А. Сена и П. Таусенда, Оксфордский индекс бедности и т.д.²⁹). Таким образом, бедность перестает рассматриваться как абсолютная бедность, и на смену ей как предмету анализа и объекту воздействия в рамках государственной политики появляются сначала относительная бедность, а потом и социальная эксклюзия³⁰.

В этом русле сосредотачивается и обеспокоенность общественности развитых стран соответствующей проблематикой. Так, в современной Великобритании бедность, понимаемая в терминах социальной эксклюзии, связывается, прежде всего, с ограниченностью шансов на рынке труда, с одной стороны, и доступом к социальным услугам, с другой [Pierson 2002]. Согласно официальной статистике, в 2011 г. в Великобритании в зоне риска социальной эксклюзии находились 22,7% населения (около 14 млн чел.); доля людей, не способных справиться с неожиданными финансовыми тратами, вследствие кризиса 2008 г. значительно выросла (с 26,6% в 2007 г. до 36,6% в 2011 г.). Пропорция граждан, не способных позволить себе ежегодный отпуск, что рассматривается в Великобритании как важный признак депривированности, тоже возросла – с 21,4% до 29,7% за тот же период [Office for National Statistics 2013]. В итоге сегодня в Великобритании происходит самое резкое с середины 1970-х гг. обеднение населения [Joyce, Phillips, Sibietta 2011], а уровень бедности работающих граждан (*in-work poverty*) составляет почти 9%³¹.

Эта ситуация похожа на положение дел и в других европейских странах, где также остро стоит проблема бедности работающих. Фактически это паневропейский феномен, затронувший примерно в том же масштабе Германию, Францию и другие страны Западной, а тем более, Южной Европы, в которых уровень бедности работающего населения превосходит 15%³². При этом бедность постиндустриального типа касается всех профессиональных групп: в орбиту этой бедности попадают офисные работники, помощники профессионалов и даже сами профессионалы. Это отражается в «пролетаризации профессионалов» и других профессиональных групп [Ильин 2000; Murphy 1990; Standing 2011].

Таким образом, у постиндустриальной бедности существуют три основных причины: 1) структурная перестройка экономики и деиндустриализация в развитых странах с одновременным выносом производств в страны «третьего мира»;

²⁹ См., например, опыт выделения бедных на основе немонетарных признаков бедности в некоторых странах Западной Европы [Nolan, Whelan 2010].

³⁰ См. подробно: [Agulnik 2002; Jordan 1996; Madanipour, Cars, Allen 1998; Pierson 2002; Shinn 2010 и др.].

³¹ Неслучайно общественные организации Великобритании, такие как TUC (Trade Union Congress), выделяют «бедность, связанную с работой» в качестве одного из трех ключевых проявлений современной бедности в стране (наряду с женской и детской бедностью), борьба с которой требует «самых решительных мер» [Fleischmann, Dronkers 2010].

³² См.: [Trade Union Congress 2008]. В ряде стран меры по борьбе с бедностью, связанной с работой, идут в связке с фискальными механизмами по поддержке детей [Corak, Lietz, Sutherland 2005].

2) рост в этих условиях конкуренции за привлекательные профессиональные позиции при общем сокращении их числа, ведущих, с одной стороны, к относительному снижению заработных плат, а с другой, к снижению занятости молодежи и других менее конкурентоспособных групп; 3) массовый уход с рынка труда в хроническую безработицу многих квалифицированных работников из-за неготовности их не только сменить свой профессиональный статус на более низкий, но даже поменять при этом классовую принадлежность (например, при возможности перехода с работы инженера-конструктора на позиции продавца мобильных телефонов или водителя).

Таким образом, за этим типом бедности, как и в случае с преиндустриальной или индустриальной бедностью, стоит более широкий спектр причин, чем просто низкие заработные платы. Причем все перечисленные причины постиндустриальной бедности имеют институциональную природу, определяясь типом контрактных отношений³³, количеством часов работы и характером занятости³⁴, уровнем образования и квалификации, обеспечивающих стабильность положения в фирме при массовых увольнениях³⁵ и т.д. Однако это в любом случае уже не абсолютная, а относительная бедность в условиях сравнительно высоких доходов, которых хватает на еду, одежду, развлечения, благоустроенное жилье и соответствующую принятым в стране стандартам медицинскую помощь, словом, тот образ жизни, который вряд ли покажется бедностью жителям стран с доминированием доиндустриальной или даже индустриальной бедности.

Сократить постиндустриальную бедность посредством развития системы массового образования и подобных традиционных лифтов социальной мобильности практически невозможно. Основой государственной политики борьбы с бедностью в этих условиях стратегически выступает не столько материальная помощь неимущим, сколько меры, связанные с регулированием рынка труда и определенной инвестиционной и налоговой политикой. Тактически же для развитых стран, где процессы деиндустриализации исторически сопровождалась активным ростом четвертичного сектора экономики, наиболее эффективным способом борьбы с бедностью такого типа были масштабные программы перекалфикации рабочей силы с выплатой достаточно высоких пособий по безработице для предот-

³³ В Бельгии, например, временные трудовые контракты увеличивают риск попадания в бедность в три раза [Marx, Vanhille, Verbist 2012]. Но, даже несмотря на это, доля работников с постоянными контрактами среди бедных работников остается высокой – на уровне 66%. Это говорит о том, что причины бедности работающего населения не исчерпываются временными контрактами, а зависят и от их содержания, отражающего положение человека в системе производственных отношений [Goldthorpe 2000].

³⁴ В связи с этим важно отметить, что под юрисдикцию системы налоговых кредитов для работающего населения в Великобритании не попадают люди, работающие неполный рабочий день (меньше 30 часов в неделю), или меньше 16 часов, если они моложе 25, старше 60 лет, принадлежат к категориям родителей-одиночек и инвалидов (см. подробно: <https://www.gov.uk/working-tax-credit>). Это говорит о том, что занятость во вторичных секторах экономики, а также нестабильные формы занятости, где и концентрируется бедность, связанная с работой, остаются без какой-либо поддержки со стороны правительства. Похожая ситуация наблюдается и в других странах, например, в Бельгии [Marx, Vanhille, Verbist 2012].

³⁵ Так, в Бельгии низкий уровень образования увеличивает риск попадания работника в относительную бедность в 2 раза [Ibid, p.9]. С другой стороны, среднее специальное и высшее образование не сильно снижает риск обеднения работника (с 46% среди всех работников до 31% среди бедных работников), что выявляет неоднородность квалификации, получаемой в системе третичного образования (в данном случае на примере Бельгии), которая в большинстве случаев готовит работников средней квалификации, вынужденных претендовать лишь на типовые контракты [Sørensen 2000, p. 1554; Morgan, McKerrow 2004].

вращения потери групповой идентичности в период поиска нового рабочего места [Crettaz 2011]. Одновременно сохранялась политика умеренных адресных пособий по нуждаемости для сохранения интегрированности бедных в общество, при этом адресность должна была предотвратить развитие иждивенческих настроений. Наконец, с годами все жестче становилась относительно мягкая в 1950–1960-х гг. миграционная политика.

Бедности постиндустриального типа в странах БРИК практически нет (за исключением России), поскольку процессов деиндустриализации в них не наблюдается. В России же ситуация особая: как видно из статистических и социологических данных (в частности приведенных в таблице 3), процессы деиндустриализации в ней идут, но, в отличие от ситуации в развитых странах, они не сопровождаются развитием четвертичного сектора [Аникин 2013; Anikin (1) 2013]. Поскольку они выступают следствием реформ 1990-х гг. и перехода к рыночной экономике, то деиндустриализация сопровождается ростом третичного сектора и, прежде всего, торговли, где высока внутриотраслевая дифференциация заработков даже формально занимающих одни и те же профессиональные позиции рядовых сотрудников, отражающая их реальную дифференциацию (от продавцов-консультантов в отделах высокотехнологичных товаров в крупных сетевых магазинах до продавца в сельской выездной лавке)³⁶ и где велика доля низкооплачиваемых рабочих мест, особенно в теневой части отрасли³⁷.

Характерной особенностью этого типа бедности в России выступает и то, что основным работодателем для профессионалов является государство, которое, несмотря на повышение зарплат бюджетникам, оплачивает труд специалистов более скупно, чем частные организации³⁸. В условиях сильных региональных неравенств в стоимости жизни и разницы доходов профессионалов в разных регионах, материальное положение их дифференцируется еще сильнее. В этих условиях неудивительно, что в составе бедных, в том числе и хронически бедных, в России оказывается и весьма заметная часть населения с высоким образовательным уровнем, в том числе – и профессионалов, которые, как никакая другая массовая профессиональная группа, сегодня характеризуются очень значительной внутригрупповой дифференциацией в силу как объективных (занятость на предприятиях определенной формы собственности, региональные, поселенческие, отраслевые различия [Аникин 2011]),

³⁶ Так, например, в массиве данных исследования ИС РАН по бедности 2013 г. 10% работников торговли имели зарплату менее 5000 руб. в месяц, и одновременно столько же имели зарплату более 35000 руб. в месяц.

³⁷ Хотя вопрос о внутриотраслевых неравенствах зарплат в современной России пока еще остается вне фокуса внимания как специалистов, так и органов государственной статистики [Лукьянова 2011], все же некоторые данные ФСГС РФ позволяют получить иллюстрацию озвученного тезиса. Так, данные официальной статистики свидетельствуют о том, что в организациях с частной формой собственности в сфере оптовой и розничной торговли (а именно эта форма собственности в отрасли в наибольшей степени распространена) заработная плата в 2009 г. составляла около 14000 руб., что на треть ниже, чем в аналогичных организациях государственной формы собственности, и более чем наполовину – в организациях с иностранной собственностью [ФСГС РФ 2010]. И это только по официальным данным, без учета доходов при неформальной занятости, которые в ней гораздо ниже.

³⁸ Согласно данным ФСГС РФ, разрыв в средних зарплатах специалистов составляет по этому показателю 1,6–1,8 раза, причем большая дифференциация зарплат наблюдается среди специалистов средней квалификации. Так, в 2011 г. среднемесячная зарплата специалистов высшего уровня квалификации, занятых на негосударственных предприятиях, составляла 34302 руб., в то время как их коллеги, работающие в государственных и муниципальных организациях, получали в среднем всего 20979 руб. в месяц; специалисты среднего уровня квалификации зарабатывали в месяц 29099 руб. и 16532 руб. соответственно [ФСГС РФ 2012].

так и субъективных (разница установок, мотивации, квалификации, а, в конечном счете – качества человеческого капитала работника [Anikin (2) 2013]) факторов.

Все это говорит о том, что нефизический характер труда перестал быть сегодня в России гарантом благополучия. Внутригрупповая дифференциация профессиональной структуры, связанная со структурными изменениями в экономике, ослабляет позиции одних и усиливает позиции других. При этом, поскольку большую часть занятых на позициях средней и низкой квалификации нефизического труда составляют сегодня женщины, то дальнейшее обеднение населения по этой модели может потянуть за собой целый шлейф проблем, характерных для стран Западной Европы, и, прежде всего, женскую и детскую бедность³⁹.

Отдельно стоит сказать в этой связи и об обострении проблемы молодежной безработицы, являющейся характерной особенностью бедности постиндустриального типа. Так, в Великобритании основу городской безработицы уже давно составляет молодежь от 16 до 24 лет [Blackaby, Leslie, Murphy, O'Leary 1999], среди которой безработных в 3 раза больше, чем среди городской рабочей силы более старших возрастов (18% против 4%). В России бедность также молодеет из-за роста незанятости среди молодежи. Судя по данным общероссийских исследований Института социологии РАН «Богатые и бедные в современной России» [Горшков, Тихонова 2004] и «Бедность и бедные в современной России» [Горшков, Тихонова 2014], в период с 2003 г. по 2013 г. доля молодежи в возрасте 18–30 лет выросла с 25% до 27%, а доля лиц старше 40 лет сократилась с 54% до 49% при одновременном росте незанятости в молодых возрастах.

Бедность из-за неблагоприятных семейных обстоятельств в условиях слабости социальной политики

Бедность из-за неблагоприятных семейных обстоятельств (болезнь кого-то из членов семьи, развод в семье с несовершеннолетними детьми, высокая иждивенческая нагрузка, смерть кормильца и т.п.) по своим причинам достаточно очевидна и не требует подробных комментариев. При борьбе с бедностью этого типа в развитых странах учитывается, что некоторые события в жизни домохозяйств предполагают для предотвращения сползания таких семей в хроническую бедность активную помощь им со стороны государства и местных сообществ (и такого рода помощь, в том числе и через стимулирование развития соответствующих страховых программ, активно используется во всех развитых странах уже более полувека). Обычно для предотвращения расползания этого типа бедности в развитых странах используются различные детские и семейные пособия, иные семейные налоговые льготы и т.п.

³⁹ В Европе эта тенденция усиливается сохраняющейся сегрегацией на рынках труда по гендерному признаку [Bettio, Verashchagina 2009]. Обеднение женщин сопровождается обеднением детей, находящихся у них на иждивении, особенно в случае неполной семьи. Уровень детской бедности из всех европейских стран сегодня самый высокий именно в Великобритании. Институт фискальных исследований Великобритании прогнозирует к 2020 г. дальнейшее увеличение детской бедности, причем как в абсолютных значениях – до 23% (по сравнению с целью правительства снизить абсолютную детскую бедность к этому времени до 5%), так и в относительных показателях – до 24% (по сравнению с целевым значением правительства в 10%). См.: [Browne, Joyce 2011].

Этот тип бедности представлен в России достаточно широко. На ее распространенности сказывается, прежде всего, то, что при в среднем низких зарплатах и слабой семейной политике под угрозой бедности многие семьи оказываются уже в силу простого наличия в них несовершеннолетних детей, а тем более, при каких-либо семейных несчастьях, в частности тяжелом заболевании или даже просто плохом здоровье кого-то из членов семьи. Плохое здоровье увеличивает риск попадания в бедность «по доходам» втрое, а риск нахождения в хронической бедности – более чем в пять раз; более чем вдвое возрастает и риск бедности в случае наличия в семье несовершеннолетних детей и т.д., причем тенденция усиления значимости этих факторов бедности в России с годами просматривается все более наглядно. Так, в 2003 г. риск бедности был практически одинаковым для населения с разным уровнем здоровья: 45–49% представителей всех групп, выделенных по состоянию здоровья, были бедны. В 2008 г. этот фактор уже давал значимый эффект для дифференциации рисков бедности: среди россиян с хорошим здоровьем бедных было 24%, удовлетворительным – 35%, а плохим – 55%. В 2013 г. же среди россиян с хорошим состоянием здоровья только 7% оказались в числе бедных «по доходу», в то время как среди тех, у кого оно было удовлетворительное или плохое, их было уже в разы больше – 15% и 20% соответственно [Лежнина 2014].

Наличие и количество детей в современной России также становится все более значимым фактором бедности: в 2013 г. в семьях бедных «по доходу» их число в среднем равнялось 0,82, в то время как у небедного населения – 0,49. В 2003 г. ситуация была принципиально иной – наличие несовершеннолетних детей мало сказывалось на риске попадания в число бедных (в их состав входили, например, 45% домохозяйств с детьми и 47% без детей) [Лежнина 2014].

Бедность маргинализирующейся и люмпенизирующейся части населения

Этот тип бедности вызван ослаблением механизмов социального контроля и усложнением жизни общества при переходе к поздне- и постиндустриальному этапам развития. Учитывая рост числа социально дезадаптированных людей в условиях усложнения общественной жизни, этот тип бедности особенно сложен для борьбы с ним. Наиболее активно для помощи представителям этого типа бедности используются различные программы социальной интеграции (для мигрантов) и реинтеграции для всех остальных. Другие индивидуальные причины бедности (нежелание включаться в трудовую деятельность на условиях, предлагаемых рынком труда, алкоголизм, наркомания и другие причины добровольной незанятости, часто приводящие к бродяжничеству и попрошайничеству с последующей «профессионализацией» этой сферы [Аникин, Соловьев 2013]) по-разному воспринимаются в развитых странах в зависимости от особенностей их предшествующего исторического развития и национальной культуры, что непосредственно влияет и на признание в них права на поддержку со стороны общества для такого рода бедных.

В России этот тип бедности распространен достаточно широко: так, в 2013 г. каждый двадцатый бедный сам признавал, что оказался в бедности

из-за алкоголизма или наркомании – собственной или кого-то из членов своей семьи. Если же говорить о том, как оценивают роль этого фактора россияне в целом, то среди имевших, по их оценкам, бедных в своем ближайшем окружении, треть назвали причиной бедности хорошо им знакомых людей алкоголизм или наркоманию, и каждый пятый – лень и неприспособленность к жизни [Горшков, Тихонова 2014].

Заключение

Гетерогенность бедности в России отражает особенности переживаемого российским обществом этапа социально-экономического развития и обуславливается сохраняющейся до сих пор многоукладностью российской экономики и колоссальными различиями в уровне социально-экономического развития разных регионов. Именно *эта ярко выраженная гетерогенность, при которой в отдельных регионах и типах поселений разные типы бедности, характерные для, казалось бы, взаимоисключающих эпох, не просто наличествуют, но присутствуют в подчас диаметрально противоположных пропорциях, и составляет основную специфику «бедности по-российски».*

Эта специфика сильно затрудняет борьбу с бедностью в России. При такой гетерогенности бедности те меры, которые будут эффективными для борьбы с ней, например, в Москве, могут не дать никакого эффекта в Ингушетии и наоборот. При этом передавать борьбу с бедностью полностью на уровень регионов сейчас тоже нецелесообразно: у многих из них отсутствуют не только ресурсы, но и четкое понимание того, как должна выглядеть эта борьба в их конкретных условиях. Кроме того, ключевые «рычаги» борьбы с бедностью (инвестиционная политика, политика занятости, миграционная политика, налоговая политика, социальная политика) находятся сегодня преимущественно в распоряжении центральных органов власти, и именно федеральные структуры власти должны максимально задействовать эти «рычаги» для борьбы с бедностью в России.

В числе этих «рычагов»:

– инвестиционная политика, важнейшим направлением которой должно стать изменение пропорций рабочих мест в пользу сокращения доли низкоквалифицированного и низкооплачиваемого труда;

– политика занятости, в рамках которой государству необходимо принять на себя функции, выполняемые в развитых странах профсоюзами и другими ассоциациями работников, в частности – регулирование минимальных почасовых заработных плат для разных типов рабочей силы с выведением их минимальных показателей на уровень 1,5 региональных прожиточных минимумов для соответствующих категорий работников;

– миграционная политика, предполагающая «точечную» работу с притоком мигрантов на локальных рынках труда с учетом ситуации на различных сегментах с одновременным резким сокращением нелегальной миграции;

– налоговая политика, предполагающая не только введение вычетов в размере регионального прожиточного минимума на несовершеннолетних детей, но и стимулирование «по скользящей шкале» всех форм деятельности, связанных с попытками населения самостоятельно создать себе «подушку безопасности» на случай

неожиданных бедствий (прежде всего, использования таких форм страхования, как страхование жизни, здоровья, жилья и домашнего имущества);

– образовательная политика, направленная на повышение качества образования в сельской местности и малых городах, а также повышение доступности и качества профессионального образования разного уровня;

– социальная политика, одним из ключевых направлений которой должны стать сокращение избыточных неравенств и выравнивание стартовых условий для детей, молодежи и лиц, оказавшихся в сложной ситуации «не по своей вине» (потеря кормильца, инвалидность и т.д.).

Несомненно, это непривычная и достаточно сложная для администрирования постановка задач борьбы с бедностью. Однако, как показывает опыт развитых стран, эти задачи вполне реализуемы, и только такого рода деятельность, а не совершенствование системы социальных пособий, не просто более эффективна в плане борьбы с бедностью, но и начинает играть с годами все большую роль в этой борьбе во всех странах, осуществляющих активную политику в этой области.

Литература

- Аникин В.А. (2009) Социально-профессиональная структура России: методология и тенденции // Профессиональные группы: динамика и трансформация. М.: Изд-во Института социологии РАН.
- Аникин В.А. (2011) Модернизационный потенциал профессиональной структуры занятого населения России // Общество и экономика. №11–12.
- Аникин В.А. (2013) Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // Terra Economicus. Т. 11. № 2.
- Горшков М.К., Пэйлинь Ли, Голенкова З.Т. (ред.) (2012) Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества. М.: Новый хронограф.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) (2004) Россия – новая социальная реальность: богатые, бедные, средний класс. М.: Наука.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) (2014) Бедность и бедные в современной России. М: Весь Мир.
- Ильин В.И. (2000) Социальное неравенство. М.: ЦСО ИС РАН.
- ИНАБ (2008) Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? // ИНАБ. № 5. М.: Институт социологии РАН.
- Капелюшников Р.И. (2012) Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? // Препринт WP3/2012/04. М.: НИУ ВШЭ.
- Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. (2013) Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. Т. 22. № 1.
- Кастельс М. (2000) Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ.
- Лежнина Ю.П. (2014) Социально-демографические факторы бедности в современной России // Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) Бедность и бедные в современной России. М: Весь Мир.
- Лукьянова А.Л. (2011) Дифференциация заработных плат в России (1991–2008 гг.): факты и объяснения // Журнал новой экономической ассоциации. № 12.
- Овчарова Л.Н. (2009) Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М: М-Студио.

- Сборник ФСГС (1) (2014) Предположительная численность населения Российской Федерации». Раздел «Численность населения» // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812
- Сборник ФСГС (2) (2014) Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года. Раздел «Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010г.» // http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm. Дата обновления 08.02.2014.
- Слободенюк Е.Д. (2013) Нерыночные факторы бедности в современной России и пути совершенствования социальной политики // Журнал исследований социальной политики. Т. 11. № 3.
- Тихонова Н.Е. (2013) Бедность в современной России: ключевые проблемы // Развитие человеческого капитала – новая социальная политика: сборник научных статей. М: Издательский дом «Дело», РАНХиГС.
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. (2014) Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. № 1.
- ФСГС РФ (2010) Дифференциация заработной платы работников по видам экономической деятельности и профессиональным группам // Статистический бюллетень 2010 // http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_04/isswww.exe/stg/d09/1-00.htm
- ФСГС РФ (2012) О дифференциации заработной платы по профессиональным группам // Статистический бюллетень № 06 (187) // http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d06/3-plat.htm
- Agulnik P. (ed.) (2002) *Understanding Social Exclusion*. Oxford University Press.
- Alkire S., Seth S. (2013) *Multidimensional Poverty Reduction in India between 1999 and 2006: Where and How?* (No. ophiwp060). Queen Elizabeth House, University of Oxford.
- Alkire S., Conconi A., Roche J.M. (2012) *Multidimensional Poverty Index 2012: Brief Methodological Note and Results*. Oxford: Oxford Poverty and Human Development Initiative, Department of International Development, University of Oxford.
- Anikin V.A. (1) (2013) Mode of Socio-Economic Development and Occupational Structure: The Case of Contemporary Russia // *Transition Studies Review*, no 19(4), pp. 397–415. Doi: 10.1007/s11300-013-0256-8.
- Anikin V.A. (2) (2013) Motivation to Work in Russia: The Case of Protracted Transition from Noncompetitive to Competitive System // *The Journal of Comparative Economic Studies (JCES)*, no 8, pp. 35–60.
- Bettio F., Verashchagina A. (2009) *Gender Segregation in the Labour Market: Root Causes, Implications and Policy Responses in the EU*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Bhagat R. (2010) *Internal Migration in India: Are the Underclass More Mobile?* // *Migration, Identity and Conflict: India Migration Report 2011*, no 7.
- Bian Y., Breiger R., Galaskiewicz J., Davis D. (2005) *Occupation, Class and Social Networks in Urban China* // *Social Forces*, no 83(4), pp. 1443–1468.
- Blackaby D., Leslie D., Murphy P., O’Leary N. (1999) *Unemployment Among Britain’s Ethnic Minorities* // *The Manchester School*, no 67(1), pp. 1–20.
- Bai X.M. (2008) *Urban Transition in China: Trends, Consequences and Policy Implications* // Martin G., McGranahan G., Montgomery M., Fernández-Castilla R. (eds.) *The New Global Frontier: Urbanization, Poverty and Environment in the 21st Century*. London: Earthscan.
- Bradshaw J. (ed.) (2011) *The Well-Being of Children in the UK. The Policy Press*.
- BRICS (2013) *BRICS Joint Statistical Publication* // http://www.statssa.gov.za/news_archive/Docs/FINAL_BRICS%20PUBLICATION_PRINT_23%20MARCH%202013_Reworked.pdf
- Browne J., Joyce R. (2011) *Child and Working Age Poverty and Inequality in UK: 2010*. London: The Institute for Fiscal Studies.
- Cai F., Du Y., Wang M. (2009) *Employment and Inequality Outcomes in China* // Paper presented at the OECD Seminar on “Employment and Inequality Outcomes: New Evidence, Links and Policy Responses in Brazil, China and India”, April 2009, OECD. Paris.
- Castells M. (2004) *Informationalism, Networks, and the Network Society: a Theoretical Blueprint* // Castells M. (ed.) *The Network Society. A Cross-Cultural Perspective*. Northampton: Edward Elgar.

- Charmes J. (2012) The Informal Economy Worldwide: Trends and Characteristics // *Margin: The Journal of Applied Economic Research*, no 6 (2), pp. 103–132.
- Corak M., Lietz C., Sutherland H. (2005) The Impact of Tax and Transfer Systems on Children in the European Union // *IZA Discussion Paper*, no 1589.
- Crettaz E. (2011) *Fighting Working Poverty in Post-Industrial Economies: Causes, Trade-offs and Policy Solutions*. Edward Elgar Publishing.
- Datt G., Ravallion M. (2011) Has India's Economic Growth Become More Pro-Poor in the Wake of Economic Reforms? // *The World Bank Economic Review*, no 25(2), pp. 157–189.
- Eurostat, European Commission, Statistical Office of the European Communities (2012). *The European Union and the BRIC countries*. Luxembourg: Statistical Office of the European Communities.
- Fleischmann F., Dronkers J. (2010) Unemployment Among Immigrants in European Labour Markets: an Analysis of Origin and Destination Effects // *Work, Employment & Society*, no 24 (2), pp. 337–354.
- Goh C.C., Luo X., Zhu N. (2009) Income Growth, Inequality and Poverty Reduction: a Case Study of Eight Provinces in China // *China Economic Review*, no 20(3), pp. 485–496.
- Goldthorpe J.H. (2000) Rent, Class Conflict, and Class Structure: A Commentary on Sørensen // *The American Journal of Sociology*, no 105(6), pp. 1572–1582.
- Hazans M. (2011) *Informal Workers Across Europe: Evidence from 30 Countries* // *IZA Discussion Paper*, July, no 5871.
- ILO (2012) *Statistical Update on Employment in the Informal Economy*. Geneva: ILO Department of Statistics.
- Jamal T., Mandal K. (2013) Skill Development Mission in Vocational Areas—Mapping Government Initiatives // *Current Science*, no 104 (5), pp. 590–595.
- John R.M., Mutatkar R. (2005) Statewise Estimates of Poverty Among Religious Groups in India // *Economic and Political Weekly*, no 40(13), pp. 1337–1345.
- Jordan B. (1996) *A Theory of Poverty and Social Exclusion*. Cambridge: Polity Press.
- Joyce R., Phillips D., Sibieta L. (2011) *Poverty and Inequality in the UK: 2011*. London: The Institute for Fiscal Studies.
- Jutting J., Laiglesia J.R. (2009) *Is Informal Normal?: Towards More and Better Jobs in Developing Countries*. Paris.
- Klein H., Luna F. (2006) *Brazil since 1980*. New York: Cambridge University Press.
- Leonardos A.C. (2012) CIEP: A Democratic School Model for Educating Economically Disadvantaged Students in Brazil? // *Effective Schools in Developing Countries (RLE EduA)*, no 8, p. 69.
- Leslie D., Drinkwater S., O'Leary N. (1998) Unemployment and Earnings Among Britain's Ethnic Minorities: Some Signs for Optimism // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 24 (3), pp. 489–506.
- Li P. (2013) Changes in China's Social Stratification Since 1978 // Li P., Gorshkov M.K., Scalón C., Sharma K.L. (eds.) *Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries: Change and Perspective*. London: World Scientific Publishing Company.
- Lin T.H., Wu X. (2009) *The Transformation of the Chinese Class Structure, 1978–2005* // Chan K.B., Kwok-Bun C., Ku A.S., Yin-Wah C. (eds.) (2009) *Social Stratification in Chinese Societies*, vol. 5. Brill.
- Madanipour A., Cars G., Allen J. (eds.) (1998) *Social Exclusion in European Cities: Processes, Experiences and Responses*. London: Jessica Kingsley.
- Martorano B., Natali L., de Neubourg C., Bradshaw J. (2013) *Child Well-being in Advanced Economies in the Late 2000s (Vol. 1)*. Working Paper 2013-01, no 1. Florence: UNICEF Office of Research.
- Marx I., Vanhille J., Verbist G. (2012) Combating In-Work Poverty in Continental Europe: an Investigation Using the Belgian Case // *Journal of Social Policy*, no 41(01), pp. 19–41.
- Montalvo J.G., Ravallion M. (2010) The Pattern of Growth and Poverty Reduction in China // *Journal of Comparative Economics*, no 38(1), pp. 2–16.
- Morgan S.L., McKerrow M.W. (2004) Social Class, Rent Destruction and the Earnings of Black and White Men, 1982–2000 // *Research in Social Stratification and Mobility*, no 21, pp. 215–251.
- Moulin N., Pereira V. (2000) Families, Schools and the Socialization of Brazilian Children: Contemporary Dilemmas That Create Street Children // *Children of the Streets of the*

- Americas: Globalization, Homelessness and Education in the United States, Brazil and Cuba. New York: Routledge.
- Murphy R. (1990) Proletarianization or Bureaucratization: The Fall of the Professional? // Torstendahl R., Burrage M. (eds.) *The Formation of Professions: Knowledge, State and Strategy*. London: Sage.
- National Bureau of Statistics of China, Statistical Communiqué of the People's Republic of China (2013) *Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2012 National Economic and Social Development* // http://www.stats.gov.cn/english/newsandcommingevents/t20130222_402874607.htm
- Nee V.G., Stark D., Selden M. (eds.) (1989) *Remaking the economic institutions of socialism: China and Eastern Europe*. Stanford University Press.
- Nolan B., Whelan C.T. (2010) Using Non-Monetary Deprivation Indicators to Analyze Poverty and Social Exclusion: Lessons from Europe? // *Journal of Policy Analysis and Management*, no 29(2), pp. 305–325.
- Office for National Statistics (2013). *Poverty and Social Exclusion in the UK and EU, 2005–2011* // http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171776_295020.pdf
- Park A., Wang D. (2010) Migration and Urban Poverty and Inequality in China // *China Economic Journal*, no 3(1), pp. 49–67.
- Persky J. (1998) Wage Slavery // *History of Political Economy*, no 30(4), pp. 627–651.
- Pierson J. (2002) *Tackling Social Exclusion* (Vol. 3). Psychology Press.
- Planning Commission (1978). *Draft Five Year Plan, 1978–1983. Vol. II*. New Delhi: Government of India Planning Commission.
- Planning Commission (2013). *Press Note on Poverty Estimates, 2011–2012*. New Delhi: Government of India Planning Commission.
- Shinn M. (2010) Homelessness, Poverty and Social Exclusion in the United States and Europe // *European Journal of Homelessness*, no 4, pp. 19–44.
- Singh V.K., Kumar A., Singh R.D., Yadava K.N.S. (2011) Changing Pattern of Internal Migration in India: Some Evidences from Census Data // *International Journal of Current Research*, no 3(4), pp. 289–295.
- Sørensen A.B. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis // *American Journal of Sociology*, no 105(6), 1523–1558.
- Stalder F. (2006) *Manuel Castells: The Theory of the Network Society*. Cambridge: Polity Press.
- Standing G. (2011) *The precariat: The new dangerous class*. A&C Black.
- Sundaram K., Tendulkar S.D. (2003). Poverty Among Social and Economic Groups in India in 1990s // *Economic and Political Weekly*, no 38(50), pp. 5263–5276.
- Tarlau R. (2013) Coproducing Rural Public Schools in Brazil: Contestation, Clientelism, and the Landless Workers' Movement // *Politics & Society*, no 41(3), pp. 395–424.
- Tendulkar S., Radhakrishna R., Sengupta S. (2009) *Report of the Expert Group to Review the Methodology for Estimation of Poverty*. New Delhi: Government of India Planning Commission.
- Trade Union Congress (2008) // *The Iron Triangle: Women's Poverty, Children's Poverty and In-Work Poverty*: ESAD.
- Tsujita Y., Oda H. (2012) Caste, Land and Migration: a Preliminary Analysis of a Village Survey in an Underdeveloped State in India // *IDE Discussion Paper*, no 334.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2012). *World Urbanization Prospects: The 2011 Revision* // ST/ESA/SER.A/322. New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). *World Population Prospects: The 2012 Revision, Highlights and Advance Tables* // ESA/P/WP.228. New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
- UNU-WIDER (2008) *World Income Inequality Database* // http://www.wider.unu.edu/research/Database/en_GB/wiid/
- Wan G. (2004) Accounting for Income Inequality in Rural China: a Regression-Based Approach // *Journal of Comparative Economics*, no 32(2), pp. 348–363.
- World Development Indicators, The World Bank (1) (2013). Age dependency ratio (% of working-age population) // <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND>

- World Development Indicators, The World Bank (2) (2013). GDP per capita, PPP (current international \$) // <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>
- World Development Indicators, The World Bank (2014). Population growth // <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>
- Zhang C., Xu Q., Zhou X., Zhang X., Xie Y. (2013) An Evaluation of Poverty Prevalence in China. New Evidence from Four Recent Surveys // IFPRI Discussion Paper 01293, September (01293).
- Zhang J. (ed.) (2013) Unfinished Reforms in the Chinese Economy. London: World Scientific Publishing Company.
- Zhang K.H., Song S. (2003) Rural-Urban Migration and Urbanization in China: Evidence from Time-Series and Cross-Section Analyses // *China Economic Review*, no 14(4), pp. 386–400.
- Zhu C., Wan G. (2012). Rising Inequality in China and the Move to a Balanced Economy // *China & World Economy*, no 20 (1), pp. 83–104.

SOCIETY AND ECONOMY

Framing Contemporary Russian Poverty in the Context of Different Nations

V. ANIKIN*, N. TIKHONOVA**

***Vasily Anikin** – Associate Professor, Faculty of Economics, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: Vasily.anikin@gmail.com

****Natalia Tikhonova** – Professor, Faculty of Economics, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ntikhonova@hse.ru

Abstract

This paper aims to compare the situation of poverty in Russia with the other BRIC countries⁴⁰ as well as developed countries (Germany and Great Britain), representing various models of socio-economic development. It is shown that the specifics of poverty in a particular country can be considered correctly only if the stage in its historical development is accounted for. There are three major modes of structural poverty which correspond to different historical stages and economic systems – preindustrial, industrial, and post-industrial poverty. The paper also discusses how these types of poverty manifest themselves in the above-mentioned countries. It includes a brief overview of the determinants of poverty, i.e. not only structural causes, but also family and personal circumstances. It is shown that in comparison with other countries, the specificity of poverty in Russia is reflected in its exceptional heterogeneity as well as in the unique combination of various types and forms of poverty. However, it is also argued that the predominant type of poverty in Russia is industrial, supplemented in many cases by family and personal circumstances of people. It is concluded that the heterogeneity of poverty in Russia is determined by the multi-structural character of the Russian economy and the enormous differences in socio-economic development of various regions. Given such specificity and context, this paper also discusses a number of policy measures which may reduce poverty (related to investment, tax, immigration, social and other areas of public policy).

⁴⁰ The article only compares Brazil, India and China. This explains why the term BRIC is used, instead of BRICS. South Africa was excluded for the fact that poverty is greatly affected by racial inequalities in this country, i.e. a factor which is not considered in this article.

Keywords: poverty, deprivation, scarcity, modernization, urbanization, industrialization, social structure, occupational structure

References

- Agulnik P. (ed.) (2002) *Understanding Social Exclusion*, Oxford University Press.
- Alkire S., Seth S. (2013) *Multidimensional Poverty Reduction in India between 1999 and 2006: Where and How?*, Queen Elizabeth House, University of Oxford.
- Alkire S., Conconi A., Roche J.M. (2012) *Multidimensional Poverty Index 2012: Brief Methodological Note and Results*, Oxford: Oxford Poverty and Human Development Initiative, Department of International Development, University of Oxford.
- Anikin V.A. (2009) Socialno-professionalnaya struktura Rossii: metodologiya i tendentsii [Socio-Professional Structure of Russia: Methodology and Tendencies]. *Professionalnye gruppy: dinamika i transformatsia* [Occupational Groups: Dynamics and Transformation], Moscow: Izd-vo Instituta Sotsilogii RAN.
- Anikin V. (2011) Modernizatsionnyi potencial professionalnoi struktury zanyatogo naseleniya Rossii [The Modernization Potential of the Professional Structure of the Employed Population of Russia]. *Obshchestvo i ekonomika*, no 11–12, pp. 35–64.
- Anikin V.A. (2013) Professionalnaya struktura naseleniya i tip ekonomicheskogo razvitiya strany [Occupational Structure and Mode of Economic Development of a Country]. *Terra Economicus*, no 11(2), pp. 41–68.
- Anikin V.A. (1) (2013) Mode of Socio-Economic Development and Occupational Structure: The Case of Contemporary Russia. *Transition Studies Review*, vol. 19, no 4, 397–415. doi: 10.1007/s11300-013-0256-8.
- Anikin V.A. (2) (2013) Motivation to Work in Russia: The Case of Protracted Transition from Noncompetitive to Competitive System. *The Journal of Comparative Economic Studies (JSCES)*, no 8, pp. 35–60.
- Anikin V., Solov'ev R. (2013) Poproshainichestvo kak kvazi(professia) v sovremennoi Rossii [Mendicancy as a Quasi(Profession) in Modern Russia]. *Professii sotsialnogo gosudarstva* [Professions of Social Welfare State. Eds. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R.], Moscow: Variant, CSPGI.
- Bettio F., Verashchagina A. (2009) *Gender Segregation in the Labour Market: Root Causes, Implications and Policy Responses in the EU*, Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Bhagat R. (2010) Internal Migration in India: Are the Underclass More Mobile? *Migration, Identity and Conflict: India Migration Report 2011*, no 7.
- Bian Y., Breiger R., Galaskiewicz J., Davis D. (2005) Occupation, Class, and Social Networks In Urban China. *Social Forces*, vol. 83, no 4, pp. 1443–1468.
- Blackaby D., Leslie D., Murphy P., O'Leary N. (1999) Unemployment Among Britain's Ethnic Minorities. *The Manchester School*, vol. 67, no 1, pp. 1–20.
- Bai X.M. (2008) Urban Transition in China: Trends, Consequences and Policy Implications. *The New Global Frontier: Urbanization, Poverty and Environment in the 21st Century*. Eds. Martin G., McGranahan G., Montgomery M., Fernández-Castilla R. (pp. 339–356), London: Earthscan.
- Bradshaw J. (ed.) (2011) *The Well-Being of Children in the UK*, The Policy Press.
- BRICS (2013). BRICS Joint Statistical Publication. Available at: http://www.statssa.gov.za/news_archive/Docs/FINAL_BRICS%20PUBLICATION_PRINT_23%20MARCH%202013_Reworked.pdf
- Browne J., Joyce R. (2011) *Child and Working Age Poverty and Inequality in UK: 2010*, London: The Institute for Fiscal Studies.

- Cai F., Du Y., Wang M. (2009) *Employment and Inequality Outcomes in China*. Paper presented at the OECD Seminar on “Employment and Inequality Outcomes: New Evidence, Links and Policy Responses in Brazil, China and India”, April 2009, OECD, Paris.
- Castells M. (2000) *Informational Age. Economy, Society and Culture*, Moscow: HSE.
- Castells M. (2004) Informationalism, Networks, and the Network Society: a Theoretical Blueprint. *The Network Society. A Cross-Cultural Perspective*. Ed. Castells M., Northampton: Edward Elgar.
- Charmes J. (2012) The Informal Economy Worldwide: Trends and Characteristics. *Margin: The Journal of Applied Economic Research*, vol. 6, no 2, pp. 103–132.
- Corak M., Lietz C., Sutherland H. (2005) The Impact of Tax and Transfer Systems on Children in the European Union. *IZA Discussion Paper*, no 1589.
- Crettaz E. (2011) *Fighting Working Poverty in Post-Industrial Economies: Causes, Trade-offs and Policy Solutions*, Edward Elgar Publishing.
- Datt G., Ravallion M. (2011) Has India’s Economic Growth Become More Pro-Poor in the Wake of Economic Reforms?. *The World Bank Economic Review*, vol. 25, no 2, pp. 157–189.
- Eurostat, European Commission, Statistical Office of the European Communities (2012). *The European Union and the BRIC countries*, Luxembourg: Statistical Office of the European Communities.
- Fleischmann F., Dronkers J. (2010) Unemployment among immigrants in European labour markets: an analysis of origin and destination effects. *Work, Employment and Society*, no 24(2), 337–354.
- FSSS (2010) Differentsiatsiya zarabotnoi plati rabotnikov po vidam ekonomicheskoi deyatelnosti i professionalnym gruppam [Differentiation of Workers Salary in Relation to Their Economic Activities and Occupations]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_04/isswww.exe/stg/d09/1-00.htm
- FSSS (2012) O differentsiatsii zarabotnoi platy po professionalnym gruppam [About the Differentiation of Salary Between Occupations]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d06/3-plat.htm
- FSSS (1) (2014) Predpologitelnaya chislennost’ naseleniya Rossiiskoi Federatsii [Expected Population of Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812
- FSSS (2) (2014) Chislennost’ naseleniya Rossiiskoi Federatsii po gorodam, poselkam gorodskogo tipa i raionam na 1 yanvarya 2010 goda [Population of Russian Federation by Cities, Towns, and Town-Like Settlements, and by Districts for the 1st of January 2010]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm
- Goh C.C., Luo X., Zhu N. (2009) Income growth, inequality and poverty reduction: a case study of eight provinces in China. *China Economic Review*, vol. 20, no 3, pp. 485–496.
- Goldthorpe J.H. (2000) Rent, Class Conflict, and Class Structure: A Commentary on Sørensen. *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1572–1582.
- Gorshkov M.K., Peilin Li, Golekova Z.T. (eds.) (2012) *Rossiya i Kitay: izmeneniya v sotsialnoi structure obshchestva* [Russia and China: Changes in Social Structure of a Society], Moscow: Novyi Khronograph.
- Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.) (2004) *Rossiya – novaya sotsialnaya realnost’: bogatye, bednye, srednii klass* [Russia – New Social Reality: Reach, Poor, Middle Class], Moscow: Nauka.
- Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.) (2014) *Bednost’ i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and Poor in Contemporary Russia], Moscow: Ves’ Mir.
- Hazans M. (2011) Informal workers across Europe: Evidence from 30 countries. *IZA Discussion Paper*, July (5871).
- ILO (2012). *Statistical update on employment in the informal economy*, Geneva: ILO Department of Statistics.
- Ilyin V. (2000) *Sotsialnoe neravenstvo* [Social Inequality], Moscow: CSE IS RAS.
- Jamal T., Mandal K. (2013) Skill Development Mission in Vocational Areas—Mapping Government Initiatives. *Current Science*, vol. 104, no 5, pp. 590–595.
- John R.M., Mutatkar R. (2005) Statewise Estimates of Poverty Among Religious Groups in India. *Economic and Political Weekly*, vol. 40, no 13, pp. 1337–1345.
- Jordan B. (1996) *A Theory of Poverty and Social Exclusion*, Cambridge: Polity Press.

- Joyce R., Phillips D., Sibieta L. (2011) *Poverty and Inequality in the UK: 2011*, London: The Institute for Fiscal Studies.
- Jutting J., Laiglesia J.R. (2009) *Is Informal Normal?: Towards More and Better Jobs in Developing Countries*, Paris.
- Kapelyushnikov R. (2012) *Neformalnaya zanyatost' v Rossii: chto govoryat alternativnye opredeleniya?* [Informal Employment in Russia: What Are the Alternative Approaches About?]. Working papers WP3/2012, Moscow: HSE.
- Karabchuk T.S., Pashinova T.R., Soboleva N.E. (2013) *Bednost' domokhozyaistv v Rossii: chto govoryat dannye RMEHZ VSHEH* [Poverty of Russian Households: What We Know About It from RLMS Database]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 155–175.
- Klein H., Luna F. (2006) *Brazil Since 1980*, New York: Cambridge University Press.
- Leonardos A.C. (2012) CIEP: A Democratic School Model for Educating Economically Disadvantaged Students in Brazil? *Effective Schools in Developing Countries (RLE Edu A)*, no 8, p. 69.
- Leslie D., Drinkwater S., O'Leary N. (1998) Unemployment and Earnings Among Britain's Ethnic Minorities: Some Signs For Optimism. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 24, no 3, pp. 489–506.
- Lezhnina Ju.P. (2014) *Sotsialno-demograficheskie faktory bednosti v sovremennoi Rossii* [Socio-Demographic Factors of Poverty in Contemporary Russia]. *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and Poor in Contemporary Russia. Eds. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E.], Moscow: Ves Mir.
- Li P. (2013) Changes in Chinas Social Stratification Since 1978. Li P., Gorshkov M.K., Scalon C., Sharma K.L. (eds.) *Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries: Change and Perspective*, London: World Scientific Publishing Company.
- Lin T.H., Wu X. (2009) The Transformation of the Chinese Class Structure, 1978–2005. *Social Stratification in Chinese Societies* (Vol. 5). Eds. Chan K.B., Kwok-Bun C., Ku A.S., Yin-Wah C., Brill.
- Lukiyanova A.L. (2011) *Differentsiatsiya zarabotnykh plat v sovremennoi Rossii (1991–2008 gg.): fakty i ob'yasneniya* [Wage Inequality in Russian Economic Transition (1991–2008): Stylized Facts and Explanations]. *Journal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, no 12, pp. 124–148.
- Madanipour A., Cars G., Allen J. (eds.) (1998) *Social Exclusion in European Cities: Processes, Experiences, and Responses*, London: Jessica Kingsley.
- Malooobespechennye v Rossii: Kto oni? Kak zhivut? K chemu stremyatsya? (2008) [Poor People in Russia: Who Are They? How Do They Live? What Are the Attitudes of Them?]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten' Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk. Vyp. 5* [Research bulletin of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Issue 5], Moscow: IS RAS.
- Martorano B., Natali L., de Neubourg C., Bradshaw J. (2013) *Child Well-being in Advanced Economies in the Late 2000s* (Vol. 1). Working Paper 2013-01, no 1, Florence: UNICEF Office of Research.
- Marx I., Vanhille J., Verbist G. (2012) Combating In-Work Poverty in Continental Europe: an Investigation Using the Belgian Case. *Journal of Social Policy*, vol. 41, no 1, pp. 19–41.
- Montalvo J.G., Ravallion M. (2010) The Pattern of Growth and Poverty Reduction in China. *Journal of Comparative Economics*, vol. 38, no 1, pp. 2–16.
- Morgan S.L., McKerrow M.W. (2004) Social Class, Rent Destruction, and the Earnings of Black and White Men, 1982–2000. *Research in Social Stratification and Mobility*, no 21, pp. 215–251.
- Moulin N., Pereira V. (2000) Families, Schools, and the Socialization of Brazilian Children: Contemporary Dilemmas That Create Street Children. *Children of the Streets of the Americas: Globalization, Homelessness and Education in the United States, Brazil and Cuba*. Ed. Mickelson R.A., New York: Routledge.
- Murphy R. (1990) Proletarianization or Bureaucratization: The Fall of the Professional? *The Formation of Professions: Knowledge, State and Strategy*. Eds. Torstendahl R., Burrage M., London: Sage.
- National Bureau of Statistics of China, *Statistical Communiqué of the People's Republic of China* (2013). Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2012

- National Economic and Social Development. Available at: http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20130222_402874607.htm
- Nee V.G., Stark D., Selden M. (eds.) (1989) *Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe*, Stanford University Press.
- Nolan B., Whelan C.T. (2010) Using Non-Monetary Deprivation Indicators to Analyze Poverty and Social Exclusion: Lessons from Europe?. *Journal of Policy Analysis and Management*, vol. 29, no 2, pp. 305–325.
- Office for National Statistics (2013). Poverty and Social Exclusion in the UK and EU, 2005–2011. Available at: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171776_295020.pdf
- Ovcharova L.N. (2009) *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov bednosti: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt* [Theoretical and Practical Approaches to Evaluation of Level, Profile, and Factors of Poverty: Russian and International Experience], Moscow: M-Studio.
- Park A., Wang D. (2010) Migration and Urban Poverty and Inequality in China. *China Economic Journal*, vol. 3, no 1, pp. 49–67.
- Persky J. (1998) Wage Slavery. *History of Political Economy*, vol. 30, no 4, pp. 627–651.
- Pierson J. (2002) *Tackling social exclusion* (Vol. 3), Psychology Press.
- Planning Commission (1978). Draft Five Year Plan, 1978–1983, vol. II, New Delhi: Government of India Planning Commission.
- Planning Commission (2013). Press Note on Poverty Estimates, 2011–2012, New Delhi: Government of India Planning Commission.
- Shinn M. (2010) Homelessness, Poverty, and Social Exclusion in the United States and Europe. *European Journal of Homelessness*, no 4, pp. 19–44.
- Singh V.K., Kumar A., Singh R.D., Yadava K.N.S. (2011) Changing Pattern of Internal Migration in India: Some Evidences From Census Data. *International Journal of Current Research*, vol. 3, no 4, pp. 289–295.
- Slobodenyuk E.D. (2013) Nerynochnye faktory bednosti v sovremennoi Rossii I puti sovershenstvovaniya sotsialnoi politiki [Non-Market Factors of Poverty in Contemporary Russia and the Ways of Improving of a Social Policy]. *Journal issledovaniy sotsialnoi politiki*, vol. 11, no 3, pp. 391–406.
- Sørensen A.B. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis 1. *American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1523–1558.
- Stalder F. (2006) *Manuel Castells: The Theory of the Network Society*, Cambridge: Polity Press.
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, A&C Black.
- Sundaram K., Tendulkar S.D. (2003) Poverty Among Social and Economic Groups in India in 1990s. *Economic and Political Weekly*, vol. 38, no 50, pp. 5263–5276.
- Tarlau R. (2013) Coproducing Rural Public Schools in Brazil Contestation, Clientelism, and the Landless Workers' Movement. *Politics & Society*, vol. 41, no 3, pp. 395–424.
- Tendulkar S., Radhakrishna R., Sengupta S. (2009) *Report of the Expert Group to Review the Methodology for Estimation of Poverty*, New Delhi: Government of India Planning Commission.
- Tikhonova N.E. (2013) Bednost' v sovremennoi Rossii: klyuchevye problemy [Poverty in Contemporary Russia, Key Issues]. *Razvitie chelovecheskogo kapitala – novaya sotsialnaya politika: sbornik nauchnikh statei* [Development of Human Capital – New Social Policy: Collection of Scientific Articles], Moscow: Delo.
- Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. (2014) Geterogennost' rossiiskoi bednosti cherez prizmu deprivatsionnogo i absolutnogo podkhodov [Heterogeneity of Russian Poverty in the Scope of Deprivation and Absolute Approaches] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 36–49.
- Trade Union Congress (2008). The Iron Triangle: Women's Poverty, Children's Poverty and In-work Poverty, ESAD.
- Tsujita Y., Oda H. (2012) Caste, Land, and Migration: a Preliminary Analysis of a Village Survey in an Underdeveloped State in India. *IDE Discussion Paper*, no 334.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2012). World Urbanization Prospects: The 2011 Revision. ST/ESA/SER.A/322, New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2013). World Population Prospects: The 2012 Revision, Highlights and Advance Tables. ESA/P/WP.228, New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division
- UNU-WIDER (2008). World Income Inequality Database. Available at: http://www.wider.unu.edu/research/Database/en_GB/wiid/
- Wan G. (2004) Accounting for Income Inequality in Rural China: a Regression-Based Approach. *Journal of Comparative Economics*, vol. 32, no 2, pp. 348–363.
- World Development Indicators, The World Bank* (1) (2013). Age Dependency Ratio (% of Working-Age Population). Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.DPND>
- World Development Indicators, The World Bank* (2) (2013). GDP per Capita, PPP (Current International \$). Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>
- World Development Indicators, The World Bank* (2014). Population Growth. Available at: <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>
- Zhang C., Xu Q., Zhou X., Zhang X., Xie Y. (2013) An Evaluation of Poverty Prevalence in China. New Evidence from Four Recent Surveys. *IFPRI Discussion Paper 01293*, September (01293).
- Zhang J. (ed.) (2013) *Unfinished Reforms in the Chinese Economy*, London: World Scientific Publishing Company.
- Zhang K.H., Song S. (2003) Rural-Urban Migration and Urbanization in China: Evidence from Time-Series and Cross-Section Analyses. *China Economic Review*, vol. 14, no 4, pp. 386–400.
- Zhu C., Wan G. (2012) Rising Inequality in China and the Move to a Balanced Economy. *China & World Economy*, vol. 20, no 1, pp. 83–104.